

«ПСИХИАТРИЯ МЕНЯ
ВСЕГДА ПРОСТО
ЗАВОРАЖИВАЛА...» 3

Интервью с писателем
Франком Тилье

ПРАКТИЧЕСКАЯ
МАГИЯ
ПО-МОСКОВСКИ
5

ПЛАСИДО
ДОМИНГО И
«СИМПСОНЫ»
20

#10
(2334)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 КОМЬЮНИТИ,
КРЕДИТ,
КРЕАТИВ

Алексей Иванов
о ценностях Чумного города

6 ДНЕВНИК
ГОВОРЯЩЕГО
СКВОРЦА

Новый роман
Майкла Ондатже

21 СКАЗАТЬ
СЛАДКОМУ
«НЕТ»

Шоколадная война
Роберта Кормье

НОВОСТИ

Рождественское лето

Летом Роберту Рождественскому исполнилось бы 80 лет. В память о прекрасном поэте была учреждена премия, победители которой отныне будут получать награды (50 тыс. рублей) раз в два года, накануне дня рождения Рождественского – 20 июня. Имена же тех поэтов, которые станут первыми победителями учрежденной премии, будут определены до 1 июня. На присуждение награды могут рассчитывать девять поэтов: двое из Москвы и семеро из Алтайского края. Их произведения будет оценивать специально созданная комиссия, куда вошли писатели, деятели культуры и образования Алтайского края и других регионов России, а также вдова Роберта Рождественского, литературный критик и художник Алла Киреева. А после награждения в селе Косиха (Алтайский край) начнутся Рождественские чтения.

Рифмы и отражения

Начался прием работ на Международную Волошинскую премию–2012. Претендовать на премию могут авторы, чьи произведения были опубликованы на русском языке в 2011 г. Волошинская премия будет присуждаться в двух поэтических номинациях: «Как ядро к ноге прикован Шар земной...» – малая поэтическая форма, и «При жизни быть не книгой, а тетрадкой...» – проект будущей книги; а также в видеопозэтической номинации «Мир, увлекаемый плавным движением, Станет зеркальным живым отражением...» (клип на стихотворение современного, ныне живущего автора, написанное на русском, украинском или белорусском языке) и в драматургической номинации «ЖЗЛ, или Жизнь замечательных людей» (мини-пьесы о реальных людях, чья жизнь посвящена творчеству). В номинации «ЖЗЛ» прием работ завершается 1 июня, в остальных номинациях – 15 июля.

Хронология тайны

Как снимался
«Солярис»
(стр. 19)

книжное обозрение
pro

Читайте в следующем выпуске «PRO»:

Отраслевой доклад Роспечати «Книжный рынок России.
Состояние, тенденции и перспективы развития. 2012».

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 28 мая с.г.

КНИГА НЕДЕЛИ

О пользе превращений

Одна из самых интересных и плодородных местностей в стране литературы располагается на границе детских и взрослых земель. Именно там живет Питер Форчун — милый британский юноша десяти лет от роду, с которым постоянно что-то случается. Он почти поймал грабителя, вступил в крайне неприятный конфликт с толпой оживших сестренкиных кукол, сильно испорченных квартирным вопросом, в целях обогащения жизненного опыта поменялся телами с котом Вильямом, а в тот солнечный день, когда в ящике со всякими странными вещами, которые в хозяйстве уже не пригодятся, а выбросить жалко, Питер нашел баночку исчезательно-го крема — ох, все могло кончиться ооочень плохо. Сказки Иэна Макьюэна — коварные, какими и должны быть настоящие сказки: одни и милы, и по-хорошему, по-умному воспитательны, а другие по жуткости не уступают историям Нила Геймана. И классиче-

Макьюэн И.
Мечтатель / Пер. с англ.
В.Гольшева.

М.: Эксмо, СПб.: Домино,
2012. — 144 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-699-56057-8

ское объяснение всей этой фантазмагии — о, не пугайтесь, мы просто читаем рассказы о мальчике, которому при рождении досталась тройная порция фантазии, — как-то не убеждает. Знаем мы эту «просто фантазию»...

В мире существует не так уж много хороших книг, которые действительно — без скидок на ностальгическую сентиментальность и инфантилизм — предназначены и детям, и взрослым. «Мечтатель» Макьюэна — как раз из таких редких и очень полезных изданий. Эпиграф из «Метаморфоз» — «Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы новые» — относится не только к тем, кто внутри книги. Детям, заинтересовавшимся исчезательным кремом, кошачьей магией и укрощением школьного хулигана, эти рассказы позволят на пару часов перевоплотиться во взрослых — что, оказывается, не так уж страшно! — и немного узнать о таких занятных штукаках, как сюрреализм, буддизм и основы социальной психологии. А взрослым... Ну, взрослым иногда следует чуть-чуть уменьшиться в размерах и побыть проще. Так гораздо лучше понимаются некоторые сложные вещи.

Мария Мельникова

Король всех чудовищ

Морис Сендак — великий детский писатель и художник — скончался 8 мая после инсульта в госпитале американского штата Коннектикут. Ему было 83 года.

Книги Сендака в СССР не издавались, и его имя у нас стало известно как-то «вдруг» — к сожалению, лишь несколько лет назад, когда в 2009-м сказку «Там, где живут чудовища», сочиненную им еще в 1963 году, экранизировал режиссер Спайк Джонз. В той странной истории главным героем был мальчик по имени Макс, названный мамой «чудовищем» и за свои выходки оставленный без ужина. Отправившись к себе в комнату, он попал в Страну Чудовищ, им же самим придуманную и населенную огромными, устрашающими, с клыками и рогами, существами. Однако Макс покорил их, так как мог «смотреть в их желтые глаза, ни разу не моргнув». Вот только вскоре они сами ему наскучили, да так, что уже он отправил их спать без ужина...

«Я не верю, что мальчик, которым я был, вырос, чтобы стать мною. Он все еще существует где-то, в самом прямом физическом смысле... я постоянно общаюсь с ним или, по крайней мере, пытаюсь», — рассказывал Сендак, и его многочисленные поклонники пытались представить себе того самого маленького мальчика, выросшего в Бруклине, оформлявшего витрины в магазине игрушек, а в 12 лет решившего стать иллюстратором — после того, как он увидел на экране диснеевский мультфильм «Фантазия». И началось: «Сказки кота Мурлыки», «Щелкунчик», «Любовь к трем апельсинам», «Волшебная флейта», книжки-малютки и собственные истории, из некоторых потом родились мультфильмы, спектакли и оперы. Его иллюстрации всегда отличались от тех, что были рядом: вероятно, потому, что книга для него, как и для настоящего ребенка, значила «гораздо больше, чем просто чтение». К тому же все свои работы Сендак делал вручную, не признавая никаких компьютерных технологий, — он был, по собственным словам, «одним из последних динозавров». Динозавром и новатором, навсегда изменившим мир детской литературы в тот момент, когда попытался «нарисовать, что дети чувствуют»: страх, беззащитность, нежность, ощущение чуда и чудовищ.

По прочтении съест

В немецком дизайнерском агентстве Kogefe доказали, что «вкусная книга» — это не обязательно метафора. По заказу одного из печатных домов Германии дизайнеры разработали кулинарную книгу, отличающуюся уникальным единством формы и содержания. Она называется «Настоящая кулинарная книга», рассказывает о способах приготовления одного из самых знаменитых блюд итальянской кухни — лазаньи, и сама же является основной составляющей рецепта, который излагает. Страницы книги сделаны из пасты. После прочтения читателю предлагается дополнить издание необходимыми ингредиентами, запечь в духовке — и перекалцифицироваться в едока.

Издания, отрецензированные в номере

Альвтеген К. Стыд	5	Нечипоренко Ю. Смеяться и свистеть: Рассказы, эссе	21
Амон Р. Пласидо Доминго. Гений мировой сцены	20	Ондатже М. Кошкин стол	6
Башкиров М. Испытания любимого кота Фриера в Сибири	15	Петерсон П. Я проклинаю реку времени	10
Бочелли А. Музыка тишины	20	Рар Г. «И будет наше поколение давать истории отчет...»: Воспоминания	10
Вастведт П. Немецкий мальчик	6	Русская агнография: Исследования. Материалы. Публикации	10
Графит. Литературный альманах: № 2	10	Русский мир как цивилизационное пространство	15
Добужинский М. Семейный альбом	7	Рыбас С. Громыко. Война, мир и дипломатия	8
Дойч Л. Метроном. История Франции под стук колес парижского метро	15	Рымжанов Т. Право быть человеком	15
Иванов А. Комьюнити	4	Терехов А. Немцы	4
Книжная графика В.А. Фаворского	7	Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом: Научно-литературный альманах: Вып. 1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 года	15
Кормье Р. Шоколадная война	21	Улья Нова. Как делать погоду	5
Крышук Н. Ваша жизнь больше не прекрасна	4	Устинов В. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров	15
Леклезио Ж. М. Г. Смотреть кино	19	Фильм Андрея Тарковского «Солярис». Материалы и документы: Сборник	19
Лосев В. Красно-белые рифмы	10	Форд Дж. Отель на перекрестке радости и горечи	5
Ляшенко Л. Декабристы: Новый взгляд	8	Человек в мире культуры: История и культура повседневности: Мат. VII междунар. философско-культурологического симпозиума	10
Марченко А. Есенин. Путь и беспутье	9	Эзоп. Басни / Адапт. Ж.-Ф. Можне	24
Матушка Матрона: Сб. / Сост. Н.Круглянская	15		
Милош Ч. Долина Иссы	6		
Морженкова Н. Авангардистский эксперимент Гертруды Стайн: В поисках жанра	10		
Морозова Ю. Телохранитель для мессии; Дорогами Пророчества; Знак Единения	15		
Неизвестный Александр Беляев. Театральные заметки. Пьеса	10		

Победа поребрика

Губернатор Кировской области Никита Белых вручил первую ежегодную премию имени Салтыкова-Щедрина. Ее лауреатом стала писатель и журналист Ольга Лукас. Премия была учреждена в январе этого года, а дата награждения победителя — 28 апреля — приурочена к моменту ссылки русского классика в Вятку. Премия, чей денежный эквивалент составляет 100 000 рублей, присуждается за литературное произведение — книгу или публикацию в периодических изданиях — в жанре сатиры.

«Когда мы смотрели, изучали тему литературных премий, выяснилось, что жанр, в котором работал Михаил Евграфович (сатира), незаслуженно забыт. Сатира — очень специфический жанр, сатириков многие не любят, потому что их роль, миссия — колко, едко, с юмором говорить о недостатках общества, системы, отдельных личностей. Но все это делается не по злобе, а чтобы каким-то образом направить в нужное русло активность государства и общества. Понятно, что сатириков стараются особо не упоминать и не награждать. Но мы решили, что у нас на Вятке свои порядки, и считаем совершенно справедливым, если такая первая литературная премия будет учреждена именно у нас», — заявил на торжественной церемонии Никита Белых. Победу Ольге Лукас принесла книга «Новый поребрик из бордюрного камня» — юмористическое, с изрядной долей сюрреализма, сравнительное описание московского и петербургского образов жизни.

Невинность по-турецки

В Стамбуле наконец-то открылся Музей невинности, созданный Орханом Памуком. Он посвящен повседневной жизни людей с 1950-х по 2000-е годы, экспозиция составлена из вещей, которые писатель собирал на протяжении многих десятилетий. Музей невинности планировалось открыть еще в 2008 году — так, чтобы он появился на свет вместе с одноименным романом Памука, в сюжете которого важную роль играют нехитрые, но способные рассказать удивительные истории вещи. В книге был даже напечатан билет, дающий право одного посещения музея.

За любовь к малым формам

27 апреля в Москве объявили имена лауреатов премии Норы Галь — впервые вручаемой награды, присуждаемой за лучший перевод малой прозы с английского. Именно 27 апреля выдающейся переводчице исполнилось бы сто лет.

Главной премии и денежного приза размером 30 000 рублей была удостоена Евгения Канишева из Симферополя за перевод сказки Редьярда Киплинга «Откуда у леопарда пятна». Специальную премию «За решение особой переводческой задачи» и приз в 20 000 рублей получил Максим Немцов. Победу ему принес перевод рассказа Нелсона Олгрена «Ей-бо».

Выбор редакции

1 «Дептфордская трилогия» канадского классика Робертсона Дэвиса уже хорошо знакома отечественному читателю. Встречайте «Корнишскую трилогию» и ее первый роман — «Мятежные ангелы». В этой хитрой истории об одном спорном наследстве затейливо переплелись искусство, религия, криминал и, кажется, самая настоящая цыганская магия.

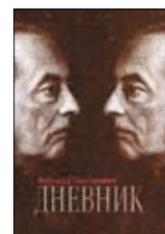
Дэвис Р.
Мятежные ангелы / Пер. с англ. Т.Боровиковой.
СПб.: Азбука, 2012. — 384 с.

2 Он жил в волчьей стае, ел, спал, рычал и дрался как волк, освоил искусство художественного воя и воспитания щенков, но его зовут не Маугли. Британский натуралист Шон Эллис — абсолютно реальный человек, и в этой книге он подробно рассказывает о своем экстремальном опыте единения с мохнатой и зубастой природой.

Эллис Ш.
Свой среди волков / Пер. с англ. А.Тихонова.
М.: Corpus, 2012. — 352 с.

3 Впервые на русском языке — «Дневник» всемирно известного прозаика и драматурга Витольда Гомбровича. Философский труд, в котором автор, пытаясь вопреки усилиям общества сохранить в себе подобие Божье, сражается со своими личными проблемами как с проблемами мировыми, называя настольной книгой европейского интеллигента.

Гомбрович В.
Дневник / Пер. с пол.
Ю.Чайникова.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха,
2012. — 768 с.

«Меня интересует граница Добра и Зла...»

Беседовал
Дмитрий Малков

С 24-го по 26 апреля в Москве состоялся организованный Французским институтом в России франко-русский коллоквиум «Детективный роман: от легкого чтения до интеллектуального ребуса» (подробнее об этом мероприятии читайте на стр. 17). В рамках этого события в Россию приехали известные французские детективные писатели. С одним из них, Франком Тилье, автором знаменитой «Комнаты мертвых» и «Переломов», нам удалось побеседовать.

— Так сложилось, что российский читатель представляет себе французский детектив в двух вариантах. Это либо вдумчивая полицейская классика а-ля Жорж Сименон, либо разухабистые пастиши в стиле Сан-Антонио. А где на этой линейке вы разместили бы свое творчество?

— Это слишком упрощенное видение, конечно. Французская полицейская литература настолько широка, что у нее масса разных образов. Есть, например, «Багровые реки», которые относятся к совершенно отдельному типу. Это чистый триллер, с очень динамичным действием, в котором сам процесс расследования не имеет большого значения по сравнению с поступками персонажей. Безусловно, существуют и исторические детективы, и социально-политические... Но себя я скорее приближаю именно к триллеру.

— Раз уж вы упомянули творчество Жана-Кристофа Гранже, позволю себе спросить. Он сказал однажды, что для того, чтобы действительно бороться со Злом, Воин Добра должен заступить одной ногой на сторону Зла. Разделяете ли вы эту точку зрения?

— Ну, Гранже вообще известен как адепт Науки Зла. Он исследует Зло как ученый, рассматривая его извне. Ему нравится сам процесс расследования, и этот ужас не вызывает в нем ужаса, простите за каламбур.

Я же в своих книгах рассматриваю Зло не как объект или предмет. Меня интересует граница Добра и Зла в каждом человеке. Где, в какой момент и почему каждый из нас перешагивает эту границу? Как это происходит, что является движущей силой такого шага? И как совершить шаг обратно? Мне интересны все эти тонкие нити души.

— В ваших книгах зачастую бывает так, что обычный, средний человек внезапно оказывается вовлечен в сложные криминальные коллизии. Насколько это литературное допущение? Реально ли, чтобы средний современный житель Европы, выйдя утром из дома, вдруг оказался персонажем детектива?

— Смотрите, у нас есть такая важная культурно-детективная референция, как Альфред Хичкок. Его персонаж никогда изначально не настроен попадать в какую-то ужасную историю. Он просто выходит из

дома и видит на улице, скажем, горящий автомобиль. А дальше происходит нечто, что и является главной ценностью триллера: обычный читатель начинает ассоциировать себя с этим героем. Начинает думать, что и с ним может случиться подобное. И каждый в такой ситуации должен будет сделать свой выбор — подойти к автомобилю, бежать прочь или просто стоять и наблюдать...

События последнего времени в Европе подтверждают важность этого выбора. Вот, норвежский маньяк, убивший множество людей. Или Тулузская история... Как отреагируют близкие и родственники погибших? Как поступят они? Кто-то положится на закон, а кто-то, возможно, поступит как отец мальчика в истории со швейцарским самолетом, когда, если помните, отец погибшего ребенка убил диспетчера, виновного, по его мнению, в гибели сына. Любой человек в любой момент может оказаться перед подобным выбором.

— Вы упомянули Андерса Беринга Брейвика и Тулузскую историю. Как вы полагаете, почему люди, ведущие мирный и размеренный образ жизни, добрые соседи и прилежные работники, не фанатики, не террористы, вдруг в какой-то момент берут оружие и идут убивать других таких же мирных жителей? Что происходит с ними?

— Эти два случая все-таки не совсем одинаковы. В случае с Тулузой, несомненно, присутствует такой момент, как промывание мозгов, приведшее к религиозному фанатизму, то есть мировоззрение и настроения, привнесенные человеку извне. С Брейвиком сложнее. Но в обоих вариантах можно говорить о людях с восприимчивой, «губчатой» психикой, которая впитала все эти страшные вещи. То есть человек принял такое решение не самопроизвольно, а под влиянием каких-то внешних факторов. Тот же Брейвик, безусловно, поддавался влиянию со стороны масс-медиа. Не секрет, что в наше время произошла полная банализация насилия в средствах массовой информации. В книгах и в кино, на телевидении, в Интернете его объем столь велик, что на него уже никто не обращает особого внимания. Можно увидеть в Интернете видеоролик, в котором человеку отрубает руку, он бежит, фонтанируя кровью, — и найдется большое коли-

чество людей, которые сочтут это смешным. Конечно, если ты нормальный здравомыслящий человек, такое невозможно. А у Брейвика этот привычный образ насилия, видимо, выстроился в какую-то схему — и наложил на собственное психическое расстройство, что и дало такие кошмарные результаты. К счастью, такое нечасто встречается.

— История Франции долгие годы была связана с историей севера Африки, с Аравией, в общем, с южным и восточным Средиземноморьем. Взять хоть те же Алжир и Марокко. Насколько эта связь существует сейчас? То есть, известно, что во Франции очень много арабских и чернокожих эмигрантов, но как это проявляется на социокультурном уровне?

— Ну, в истории франко-африканских отношений я не специалист. Но то, что я описываю в романе «Переломы», происходит недалеко от моего дома, рядом с Лиллем. И я могу видеть, как живут те самые эмигранты. Они живут буквально в аду. И если оценивать межгосударственные отношения или отношения государства и регионов на примере этих людей, то, конечно, это абсолютно негуманно. Их подпольно привозят в набитых битком трюмах, чуть ли не в мешках, уверяя, что они попадут в Страну Обетованную, в Эльдorado. Это обман от А до Я, потому что по прибытии они оказываются просто в рабском положении. Их эксплуатировали дома и эксплуатировали здесь, причем ситуация эта совершенно безнадежна. Более того, эта проблема не имеет никакого выхода. Попытки закрыть центры-приемники, как, например, рядом с Кале, приводят к тому, что эмигранты все равно продолжают прибывать, но живут на улице. А если применять жесткие репрессивные меры — то это прямое нарушение прав человека, которые никто не отменял. А если вообще ничего не делать, то их приезжает все больше и больше, и возникают сложности просто на бытовом уровне. В общем, получается, что выхода нет.

— В «Переломе» огромную роль играют вопросы психологии и психиатрии как наук. Вы специально изучали эту тему?

— О да! Я вообще всегда интересовался наукой. В силу моего первого образования (по образованию Тилье — специалист по новейшим изысканиям в области инфор-

матики и вычислительной техники — Д.М.) я очень люблю исследовательскую работу. А психиатрия меня всегда просто завораживала, но как-то не было случая, чтобы углубиться в нее, а тут я решил, что написание триллера — прекрасная возможность. Поэтому хотя я, конечно, и самостоятельно изучал множество трудов и статей, но этого, безусловно, оказалось недостаточно, и я обратился к помощи специалиста. Настоящего, практикующего психиатра, работающего в психиатрической клинике. Кстати, я даже провел с ним в клинике несколько дежурств, правда, ночных, когда там поспокойнее, потому что нам же все-таки надо было беседовать. В первую очередь мне хотелось понять: кто же такой на сегодняшний день психиатр, какова его профессия, чем он занимается, и одновременно — кто такой психиатрический больной. Ведь не секрет, что мы во многом живем с представлениями XIX века, воображая себе психиатрическую лечебницу как страшное место, где больных держат на цепи, бьют током и все такое прочее. Конечно, эти взгляды давно устарели, ушли в прошлое — поэтому мне было интересно, как обстоит дело сейчас, и я усердно копал в этом направлении.

— А вы всегда при написании своих книг пользуетесь услугами профессиональных консультантов? Считаете это необходимым?

— Обязательно! При работе над всем, что я написал, я разговаривал с людьми, которые разбираются в предмете. Причем личное общение тут самое главное. Например, для того чтобы описать работу судмедэксперта, я могу сколь угодно много читать книг, документов, отчетов о вскрытии, но из этих документов я никогда не узнаю, что происходит у этого человека в голове и как он вообще живет. Вот, когда он возвращается домой — что он рассказывает жене? Как прошло сегодняшнее вскрытие? А о чем разговаривает дома с женой тот же психиатр? Не о пациентах же.

Это те вещи, которые наращивают мясо на кости персонажа, чтобы он не выглядел как плоская картинка, которая открывает рот и выдает заученные ожидаемые фразы. А мне всегда хотелось, чтобы мои персонажи выглядели как реальные, привлекательные, симпатичные люди.

4 Писатель и журналист Валерий Панюшкин не побоялся взглянуть на русские сказки глазами юриста — и обнаружил Морозко-аудитора, разбойничье право, сонный прецедент, парадокс судебной ненаказуемости зла и еще множество примечательных мифологическо-правовых явлений, порой весьма поучительных, порой — жестоких и мучительно узнаваемых.

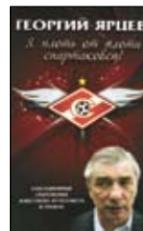
Панюшкин В.
Код Кошечки: Русские сказки глазами юриста.
М.: Альпина Паблишер, 2012. — 132 с.

5 «Белый карнавал», проект-мечта Славы Полунина и его друзей из разных стран — волшебное действо карликов, гигантов, снежных метелей и людей-бабочек, — уже радовал и ошеломлял любителей чудесного в Москве, Петербурге, Париже и даже в пустыне Невада. Теперь у него появилось еще одно воплощение — книжное.

Лестница в небо. Проект Славы Полунина.
М.: Академия дураков, 2011. — 103 с.

6 Когда-то спартаковцев было не остать — они на всех парах мчались в высшую лигу. Тогда, в середине и конце 1970-х, за лучший столичный клуб играл он, «быстрый, резкий, техничный, всегда нацеленный на ворота соперников», лучший бомбардир первенства — Георгий Ярцев — в будущем главный тренер красно-белых, победитель чемпионата страны и прекрасный рассказчик.

Матвеев А.
Георгий Ярцев. Я плоть от плоти спартаковец.
М.: Эксмо, 2012. — 288 с. — (Спорт в деталях).

7 Немного детектива, чуть-чуть романа воспитания, вдоволь волшебства и уйма приключений — это про все, что следует за словом «чернильное»: будь то сердце (первая книга), кровь (вторая) или смерть (третья и заключительная). Мегги блуждает по Чернильному миру, в котором оказалась благодаря чудесному дару своего отца — читая книги вслух, оживлять персонажей.

Функе К.
Чернильная смерть: Роман-фэнтези / Пер. с нем. М. Сокольской.
М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2012. — 672 с.: ил. — (Чернильное сердце).

рецензии

русская проза

Бронтозавры государевы

Мария Мельникова

Почему героев нового романа Александра Терехова, вполне обычных москвичей нулевых, зовут Эбергард, Улрике, Сигилд, Эрна, Хассо и Хериберт, понять довольно сложно, и наиболее логичным ответом на вопрос «Почему немцы?» кажется балбесовское «Чтобы никто не догадался!» Остранение бывает довольно странной шпуклой даже в сатирических романах. К счастью, в потоке отборного мясистого безумия, в котором обитают персонажи «Немцев», этот этнографический курьез быстро забывается.

Как известно, у нас здесь нет негодяев в кабинетах из кожи — и Эбергард, руководитель пресс-центра префектуры Восточно-Южного округа слегка переименованной

Терехов А.
Немцы: Роман.
М.: Астрель, 2012. — 577 с. 7000 экз. (п)
ISBN 978-5-271-41571-5

Москвы, руководимой крайне условно замаскированным мэром, тоже человек как человек. Ни рогов, ни копыт, ни внутреннего органчика не имеет и никакими эзотерическими медийными сила-

ми не распоряжается — дискурс, извините, уже не тот, жизнь стала проще. Миротворящий глагол «носить» не требует дополнения, а кроме этого глагола и словосочетания «*порешать вопросы*» ничего в могучем чиновничьем универсуме и нет. Вообще. «*Мы — бронтозавры, броненосцы, государевы люди, что ни скажешь нам, все равно поползем вперед, не заметим, раздавим*». Коррупционную экосистему Терехов живописует с салтыковощедринским художественным отягом, только гораздо детальнее и реалистичнее, и следовательно — на много порядков тошнотворнее. Одну свою жизнь Эбергард живет в этом царстве унылого зла, неплохо, в общем, справ-

ляясь. А нерабочая жизнь — людская, теплокровная, горькослезная, переполненная полноценными, весьма сложными и причудливо эволюционирующими чувствами. В ней надо зализывать раны после разрыва с женой, вести почти самоубийственную борьбу за оставшуюся одиннадцатилетнюю дочку — чтобы поняла, не забыла, не разлюбила, не превратилась в подобное матери чудище, — и пробовать без страха (что ой как непросто) строить новую жизнь с новой любимой, которая ждет ребенка. И ничего, живет ведь человек...

Порой наблюдение за двумя ипостасями Эбергарда наводит на откровенно дже-

килхайдовские мысли, но довольно быстро становится ясно: ни Джекила, ни Хайда нет. Все куда однороднее и грустнее. Сколько бы чело-веческого ни билось-вилось внутри у Эбергарда, это его не спасает — он элементарно разучился решать какие-либо отношенческие вопросы без звонков, договоренностей и заносов — такие уж природные данные — навсегда останется мелким бесом. Если вообще останется хоть где-нибудь. Он уже крупно попал на бабло — о, ничего особенного, все тот же суровый закон природы, с каждым могло случиться, — и уже получил три пустые sms-ки с неопределенного номера, на чем

мы его и покидаем в лучших традициях известной своими неопределенными концовками современной художественной прозы. Интеллигентно и образно писать о злоупотреблениях во властных структурах — занятие, отдающее донкихотством, и в результате «Немцы» помещаются в занятой, но зыбкой середине меж «скандальным» романом-фельетоном и штудией о герое / антигерое нашего времени. На славу «Каменного моста» роману, вероятнее всего, рассчитывать не придется, но если вы считаете, что художественная проза и то, что называют «злободневной тематикой», вещи принципиально несовместные, читайте — и будете приятно удивлены.

Дневник чумного города

Дмитрий Малков

«Я часто размышлял о том, в сколь неподготовленном состоянии оказалось все общество к началу этого бедствия и сколько последовало всякого рода неразберихи из-за отсутствия вовремя принятых мер и приготовлений, равно общественных и личных, а также о том, какое огромное количество людей погибло из тех, что могли бы спастись, если бы были приняты надлежащие шаги; все это следует учесть грядущим поколениям», — писал Даниэль Дефо в своем «Дневнике чумного года», повествующем о лондонской эпидемии, случившейся в 1665 году. Странно было бы не процитировать этот роман (впрочем, не одно столетие добросовестно прикидывав-

шийся честной хроникой) в разговоре о «Комьюнити» Алексея Иванова, ибо чума, по сути, и есть главный герой данной книги. Впрочем, «Комьюнити» и само по себе составляет чуть ли не энциклопедию чумы, от Древнего Египта и античности до наших дней. Но давайте приглядимся внимательней.

Подобно тому, как история Дефо повествует о Лондоне, история Иванова рассказывает о Москве. О жлобском, скотском, ненавидимом всеми городе, тянущем соки из всей страны. О нерезиновой, вожделенной, манящей столице, которая никогда не спит. В нее рвали все, от чеховских сестер до Данилы Баграва. Но что же обрели

дорвавшиеся? «Из-за МКАДа кажется, что в Москве — все неруководное. Особенно если новое и модное! Если актуальное, б***, и креативное! А потом осваиваешься, смотришь — хера с два! Туфта! Слабали такое же, как ты, и ничего в этом нет гениального или протряк! Нифля — спитая заварка! Здесь — все лучшее: я согласен с этим, иначе и не рвался бы сюда! Я потребляю это самое лучшее! Но б***-а-а... Я не хочу, чтобы лучшее было таким!» Однако поздно — ты уже заражен, инфицирован московской чумой. Уже наливаются гноем бубоны и трудно дышать, и нездоровая синева неоновых реклам ложится на лицо. Как писал В.И. Ленин

в статье «Партийная организация и партийная литература», «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Поэтому все, кто жаждет приобщиться московских благ, немедленно попадают в ее кабалу. Здесь возможно жить, лишь соблюдая правила игры. Хочешь быть в тренде — носи определенную одежду, ходи в определенные клубы, пользуйся определенным айфоном: «Хочешь нажраться — делай это с друзьями в кабаке, а не в парке на скамейке. Хочешь потрахаться — это надо делать в гостинице или сауне. За тебя уже все решили». Большой город как зона. Шаг влево, шаг вправо — считается побег. А это карается.

Иванов А.
Комьюнити: Роман.
СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 320 с. 12 000 экз. (п)
ISBN 978-5-389-03530-0

Впрочем, нет, не зона. И даже не Зона. Скорее Чумной остров, изначально именовавшийся островом Возрождения. Здесь людей

заражают вирусом пострашнее бактериологического. Те, кто выживают, становятся «поколением Пу», тройной идеал которого: «Комьюнити, кредит, креатив». Креатив, как давно и несколько иными словами написал Пелевин, это не творчество. Это приношение даров на алтарь консьюмеризма. Или же, по Иванову, стремление стать Королем-Чумой, выжить, заражая смертельной болезнью других. Но Король может быть только один. Что же выйдет из остальных выживших? Зомби, ходячие трупы... Если вы живете в Москве, выйдите на улицу и оглянитесь. Или просто подойдите к зеркала. Кто там?

В изнаночном мире

Владимир Холкин

Новый роман известного петербургского писателя Николая Крышук «Ваша жизнь больше не прекрасна...» написан в жанре так называемых «посмертных» или «замогильных» записок — и следует в этом отношении жанровым путем классической литературы. Особой же его приметой является выразительная связь с предыдущим романом писателя «Кругами рая», вышедшем в 2010 году и удостоенном «Студенческого Букера». Новая книга — тоже о «внутреннем человеке». Роман-монолог «несвоевременного», «нелепого» героя-одиночки. Исповедь едва ли не блаженного «во Совести», что не понимает и не принимает жесткой

неладности нынешнего времени, трагически простодушно недоумевая при виде цинизма умов, сумятицы нравов и смятения душ. Самая же яркая черта романа — его «топографическая» позиция, точка, с которой рассказчик глядит на шатко катящуюся без пути «телегу жизни».

И точка эта — потусторонняя изнанка, куда рассказчик, словно жук на «ленту Мебиуса», попадает «посмертно». Но попадает не по воле богов, а по велению и произволу фатальной неприязни времени к подобным блаженным. Попадает по вышнему чиновному желанию и собственной доверчивости. Оказывается в самой гуще странного моро-

Крышук Н.
Ваша жизнь больше не прекрасна: Роман.
М.: Время, 2012. — 576 с. — (Самое время!). 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-9691-0763-2

ка, царства то ли мертвых, то ли живых людей, предельно уплотненных под воздействием всеобщего перерождения. Людей, не только

согласившихся, смирившихся с тотальностью попушенного ими же миропорядка, но и умело и одержимо приспособившихся к ней. И теперь, оказавшись в этом изнаночном мире, служащих ему ретиво, старательно и успешно.

Однако живописание пришельцем-рассказчиком «подземного мира» и его обитателей — лишь одна из долей романа. Ибо он кругл, завершен в себе, но на редкость многосоставен. В состав же его, кроме сложных сновидений и нежно подробных, глазастых воспоминаний детства кроме гротескных картин путешествия «в пропасти земли» и остраненного их разбора, входит особая фило-

софичность интонации. Именно она — эта ясноглазая философичность удивления, искренности и беспрестанного думанья непохожей, совестливой души — и сплавляет стиль и общий тон романа. Как если бы записки эти — со всей их откровенностью и готовностью совеститься — принадлежали каллиграфически виртуозному перу князя Мышкина. За это говорит и бесстрашная самоирония, и смелость стыдиться как перед собой и людьми, так и перед Богом; и отвага наивно говорить не стыдящуюся наготы правду. А еще это роман-сплетение, где сходится в тяжком равновесии горькая ирония созерцателя и драматически упрямая, не

зирающаяся любовь к человеку, безнадежно печальная самоирония и зоркое философское размышление, меланхолический трагифарсовый юмор и нежная мужская любовь к подруге детства. А еще сочинение это полнится ныне уж позабытой, но, вопреки искаженному духу времени, все живущей верой, что человек выстоит. И поручкой тому — скромная героиня романа, выводящая рассказчика из царства нежити на поверхность жизни. Но прежде иного это роман выяснения духом самого себя, роман проклятых, донных вопросов «толстовского» человека, по-детски мудро и неискусственно заданных крошечной жизни и самому себе.

Дети на крыльце

Татьяна Слободжанина

История начинается с реального случая. Генри Ли, мужчина лет примерно пятидесяти шести, прогуливаясь, замечает толпу у отеля «Панама». Люди привлечены открытием отеля, долгое время стоявшего запертым. На свет появляется множество вещей, оставленных семьями японцев, интернированных во время Второй мировой войны. И наугад извлеченная из недра подвала вещица — яркий японский зонтик от солнца — воскрешает в памяти Генри события его детства, пришедшие как раз на начало Второй мировой.

Родители Генри были китайцами, хотя он сам родился в Сиэтле и по рож-

Форд Дж.
Отель на перекрестке радости и горечи / Пер. с англ. М.Извековой.

М.: Фантом Пресс, 2012. — 384 с.
3000 экз. (п) ISBN 978-5-86471-622-9

дению считался американцем. В престижной школе для белых, куда устроил его

отец, мальчик стал изгоем. Друзей среди ровесников у него не было, поэтому он был рад, когда в его жизни появилась японка Кейко, точно такая же чужачка. Но родители Генри, в особенности отец — ярый китайский националист, который ненавидел Японию и всех ее жителей, — не одобрили привязанности сына. Когда японские семьи были отправлены в лагерь вглубь страны, Генри поддерживал связь с Кейко на протяжении трех лет — приезжал, присылал письма, но из-за происков отца, уже тяжело больного, но не утратившего влияния в китайской общине, переписка постепенно сошла на нет. Генри поко-

рился родительской воле и женился на китаянке Этель. Но о японке он не переставал думать ни на мгновение.

И вот, после смерти жены, Генри слонялся по улицам в подавленном настроении. Открытие отеля «Панама» вселило в него надежду найти нечто, что поможет ему исцелить старые сердечные раны, хоть что-нибудь, проливающее свет на дальнейшую судьбу его возлюбленной.

Отель «Панама», построенный японским архитектором, — своеобразный «форпост на границе двух общин» — японской и китайской. В нем останавливались эмигранты из обеих стран, искали работу, копили день-

ги, надеясь поскорее стать настоящими американцами. Глубоко символичны как встречи Генри с Кейко на крыльце отеля, так и то, что много лет спустя постаревший Генри искал в его подвале личные вещи своей давней возлюбленной. Несмотря на то, что обе нации жили строго обособленно, этот отель всегда объединял их — хотя бы на время. Вот так он и соединил жизни двух детей — китайского мальчика и девочки-японки, и в дальнейшем, как бы судьба ни разводила их, они еще встретятся. Хотя старые вещи из пыльных сундуков уже ни при чем.

В первую очередь это книга о любви, которой не

в силах помешать ни война, ни разлука, ни несколько десятков лет. Но круг проблем, поднимаемых в романе, настолько широк, что назвать ее любовным романом нельзя. В этой трогательной истории чего только не смешалось: односторонние патриотические воззрения, межнациональная вражда, непростой исторический период — и крепкая многолетняя дружба, доброта, душевность и преданность, детская невинность и искренность. И конечно же конфликт поколений — та самая непримиримость взглядов отцов и детей, которая тут же, на страницах книги, и сглаживается.

Учитесь разгонять тучи!

Екатерина Качалина

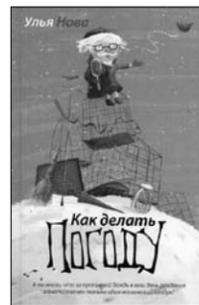
«Успешный человек — кто он?» — О, этот «проклятый вопрос» российской современности, на который с такой уверенностью отвечают глянцево-журнальные и которым так мучаются отечественные прозаики! Вклад в поиски «героя нашего времени» внесла и Улья Нова в своей новой книге «Как делать погоду» — волшебной истории о том, как эфемерную «успешность» побеждает вполне материальная доброта.

На пороге тридцатилетия Митя Ниточкин начинает понимать, что он не просто мечтатель, а самый настоящий неудачник. С работы уволили, любимая девушка уехала в круиз с собствен-

ным начальником и попросила освободить квартиру. А то самое чудо, которого Митя ждет всю сознательную жизнь, все никак не происходит. Впрочем, как и полагается в сказке, оно все-таки случится — в момент наивысшего отчаяния героя. А воплотится в колдуне по имени Василий Васильевич Дыдылдин.

Дыдылдин — герой интереснейший. Этот могущественный колдун и чародей управляет погодой над Москвой, а иногда и над другими городами. В силу природной доброты он обычно стремится сделать как лучше всем, но настроение колдуну часто портят неразумные люди — пьяницы,

курильщики, грубияны, безбилетники. В таких случаях портится и погода. Метеорологической магией способности Дыдылдина не ограничиваются: например, он замечает бобину из прозрачных ниток, опутавших Митю. Эти нитки — пустые мечты, которыми тот привык жить. В обмен на помощь колдун предлагает опутанному нитками Ниточкину сделку: Митя должен стать... нет, не учеником чародея, а его пресс-секретарем. «Ты же сказочник», — заявляет ему Дыдылдин. — *Вот и работай. Надо, чтобы каждый узнал о похождениях и подвигах неутомимого волшебника. Чтобы люди обязательно верили в чудеса. И учились*

Улья Нова.
Как делать погоду: Роман.
М.: Астрель, Полиграфиздат, 2012. — 320 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-271-40300-2, 978-5-4215-3071-8

разгонять тучи на моем прибере». В этих словах, кажется, воплотилась и цель самой книги. При этом не надо думать, что отныне жизнь

Мити станет во всех смыслах сказкой: характер у его начальника довольно скверный, работы будет много, а жить ему и вовсе придется в одной квартире с капризной карликовой свиньей. И даже когда Митя станет-таки «успешным», когда обзаведется всеми стереотипными атрибутами, и даже когда научится как следует пускать пыль в глаза — станет ли он от этого счастливым? По мнению Улья Новы, самое важное — это задавать вопросы. Хотя бы себе. А может, и в первую очередь себе.

Есть еще топографический аспект — действие начинается на прудах, перемещается к центральным и отдаленным уголкам Москвы,

заезжает в Третьяковский проезд и торговый центр «Европейский», чтобы в конце концов переместиться на отдаленную железнодорожную станцию. Конечно, изучать по книге Москву, как по «Улиссе» Дублин, не получится. Но это и не цель: Москва здесь — не исследуемый объект, но и не молчаливый фон. Это абсолютно равноправный участник описываемых событий, порой недовольный, часто надменный, сильный в своем величии. Этот город — какой угодно, но не бездушный. Душа большого города — это, наверное, все люди, в нем живущие. И душу эту надо беречь. Тогда и погода будет хорошей.

Секреты взрослых девочек

Светлана Завьялова

Шведская писательница Карин Альвтеген очень популярна у себя на родине, но мало известна в России. Ее роман «Стыд» посвящен современным женщинам — и неприятностям, в которые они попадают, запутавшись в противоречиях между современным общественным устройством и пережитками давних обычаев. Издревле повелось, что мужчина оберегает и кормит семью, а женщина хранит домашний очаг, оберегает традиции. Современные дамы дадут фору любому мужчине, однако в обществе до сих пор почему-то уверены, что «женщина должна». А должна она быть кроткой, мягкой и послушной. Эти убеждения, прививаемые девочкам едва не с рождения, оказыва-

ются совершенно нежизнеспособными в мире взрослых людей. Часто получается так, что женщины порой вообще себе не принадлежат, разрываясь на части в попытках одновременно быть и хорошей дочерью, и образцовой матерью, и просто достойным членом своего общества, иначе — позор. Если им еще и карьере построить хочется, это только добавляет требований, отчего лишь усиливается борьба между желанием жить так, как хотелось бы, и стремлением не высовываться за общепринятые рамки. Потому что за пределами этих рамок — стыд.

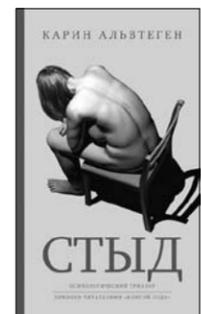
Жизнь главных героинь романа проходит в одиночестве и душевном неблагополучии, ведь каждая из них вынуждена старательно

охранять постыдную тайну. Моника — успешная и привлекательная женщина — упорно считает себя недостойной любви. Причина кроется в ранней юности: ее брат погиб при пожаре, вспыхнувшем по ее же вине. Моника посвящает всю свою жизнь тому, чтобы заслужить материнскую любовь и прощение, но мать сделала скорбь по любимому сыну смыслом жизни — и только подогревает в дочери мучительное чувство вины. Пытаясь как-то разнообразить череду унылых дней, Моника записалась на тренинг личностного роста. И, как часто случается, после этого курса жизнь ее резко изменилась. К сожалению, вовсе не в ту сторону, в какую ей самой хотелось бы.

В религиозной семье Май-Бритт жестоко порицались любые проявления чувственности. Но как можно было совместить в себе покорность перед родителями, возвышенную любовь к Богу, вполне земные чувства к своему жениху — и при этом оставаться чистой и душой и телом? Покидая родной дом, пристыженная, отвергнутая, она даже представить не могла, что через несколько лет тоскливого, унижительного существования окажется совершенно одна, будет утешать свою боль едой и сделается таким неприятным существом, что с ней не захотят иметь дело даже социальные работники. И вдруг — весточка из прошлого: письмо от подруги детства, которая сидит в тюрьме за

убийство мужа и детей. Май-Бритт совсем не была расположена к общению. Но неприятное письмо мозолило глаза, и она открыла его и стала читать, с каждым словом все больше погружаясь в пучину невыносимых воспоминаний, мыслей и чувств.

Обе эти женщины не имеют ничего общего и при обычных обстоятельствах никогда бы не встретились. Но стремительный ход событий сводит вместе людей, которым вообще не следовало бы встречаться, если они хотят и дальше лелеять и оберегать свои постыдные тайны. Как далеко готова зайти Моника, чтобы избавиться от захвативших ее стыда и вины? Где предел, за которым Май-Бритт перестанет затыкать себе рот едой и

Альвтеген К.
Стыд / Пер. со швед. А.Лавруши.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. — 368 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-389-03269-9

признается наконец, что ее гложет? Они обе несутся вперед как ошпаренные, и совершают опрометчивые поступки, постепенно приводящие их к ужасным последствиям.

рецензии

переводы

Детство с чертями

Мария Мельникова

«Долина Иссы» — лучшее прозаическое произведение знаменитого польского поэта Чеслава Милоша, роман-лекарство, написанный в мучительные годы эмиграции. Альбер Камю восторженно сравнивал эту автобиографичную книгу с горьковскими «Детством. Отрочеством. Юностью», но сегодня гораздо более уместным комплиментом будет сказать, что чуть-чуть она похожа на «Лето Господне», чуть-чуть — на «Сто лет одиночества», и еще чуть-чуть — на романы о муми-тролях.

Маленький Томаш растет любопытным дичком в «хаосе переходных лет, из которого вынырнула маленькая республика Литвы», в

усадьбе бабушки и дедушки — папу и маму польско-литовские политические коллизии начала XX века занесли далеко от дома и все никак не принесут обратно. Стоит же усадьба панов Сурконтов в долине реки Иссы — «Говорят, она обладает свойствами, влияющими на нрав людей, которые рождаются на этих берегах. Они склонны к эксцентричному поведению, далеки от спокойствия, а их голубые глаза, светлые волосы и грузное телосложение — лишь обманчивая видимость нордического здоровья». Здесь сплелось в дикий клубок все, что только способно сплетаться, — запуская руки и вытягивая какие хочешь чудесатости. Литва, но дворяне еще в XVII веке переш-

Милош Ч.
Долина Иссы: Роман / Пер. с пол. Н. Кузнецова.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. — 424 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-89059-173-9

ли на польский, да и простые люди зачастую говорят на чем-то причудливо-двуязычном, что, разумеется, не снимает между-

турного напряжения и не спасает от запущенной в окошко гранаты. Бабушка учит любить романтической любовью могилы польских королей, учитель, сельский радикальный интеллигент, сурово агитирует за националистические ценности, а в библиотеке у дедушки можно почитать труд еретика-кальвина (кстати, предка Томаша) и Коран — для всего в душе найдется удобное и законное место. Искренняя любовь к Богу в этих краях не вступает в противоречие ни с чертями, являющимися такой же частью местной фауны, как бекасы и косули, ни с упырицей Магдаленой, потравившейся крысиным ядом от любви, — педагогическое

значение этого хулиганского привидения в жизни Томаша вообще особая статья. А ведь еще есть пальцекорник пятнистый, любка двулистная, купальница, кряквы, тетерева — иная плоскость, отдельный мир, взаимоотношения с которым обречены навечно застыть между историей любви и безжалостной трагедией. У Хемингуэя были море и марлин, у Милоша — лес и токующий глухарь.

«Долина Иссы» — энциклопедическая поэзия книги о дикорастущем детстве в магической местности. У энциклопедии нет интриги, лирических отступлений, кульминации и финала, есть лишь переплет. История Томаша начинается описанием долины

Иссы и заканчивается взмахом кнута, поторапливающего лошадей, на которых мальчик уезжает из усадьбы во взрослую неизвестность. Меж ними — этнография-зоология-магия-политика-психология, вещество жизни, проза, в которой уильямблейковским браком обвенчались лирика с философией и описательная река усеяна всякий раз неожиданными островами размышлений о трудностях постижения Бога, хитростях людских взаимоотношений и неисчислимых гранях мира, в котором мы обитаем. Может быть, выросший Томаш соберет из всего этого какую-нибудь красивую конструкцию. Если, конечно, будет не жалко.

Подслушано ребенком

Вера Бройде

Самым что ни на есть «затрапезным местом» называется стол под номером семьдесят шесть — «кошкин стол». Вот за ним-то и сидят несколько интересных взрослых и трое детей, включая главного героя — 11-летнего мальчика по имени Майкл, которого, впрочем, звали Майной: почти настоящее имя «плюс шажок в воздух, промельк чего-то еще, будто легкая раскраска, с которой ходят по земле все птицы». И в нем есть что-то от птицы — слишком самостоятельной, «оглядливой» и не доверяющей людям. А ведь Майна означает «говорящий скворец» — вот он и говорит: вспоминает про далекое путешествие на огромном шестипалубном лайнере

Ондатже М.
Кошкин стол: Роман / Пер. с англ. А. Глебовской.

СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 288 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-389-02634-6

«Оронсей» — из родной Шри-Ланки в чужую Англию, — путешествие, которое длилось три долгих недели... Нет,

на самом деле оно растянулось на всю жизнь.

Бывает же, что важное случается вот так, просто, в силу каких-то невзрачных причин. Из-за недостатка места, например, и только из-за него, Майна и двое других мальчиков вынуждены были — первый раз в жизни — так тесно соприкоснуться со взрослыми. Потому что никто из них прежде не проводил со своей семьей много времени, никто от своих родителей ничему особенному не научился. А здесь, на судне, «чужаки» превращаются в героев: и садовник, который умел изображать, как по-разному качаются на ветру все пальмы мира; и мистер Мазатта, пианист,

который знал множество неприличных песенок и научил удовольствием их напевать; и такой учтивый мистер Фонсека — учитель, который «заманивал» в мир литературы, никогда не рассказывая свои занимательные истории до конца; а еще карточный игрок, барон, оказавшийся вором, и эксцентричная мисс Ласкетти, перевозившая в карманах своего голубого жилета несколько пар голубей, а в сумочке — миниатюрный пистолет. Вы думаете: что они все делают здесь? Не на корабле, а в истории Майкла? Пожалуй, две вещи: обогащают и обкрадывают. Друг друга. А знаете, что делает Ондатже? Он пытается выяснить, кто у кого и какие

частицы забрал внутрь, в виде ли черты характера или даже воспоминания.

Путешествие на корабле, совершенное детьми, превращается в непрерывное и лихорадочное путешествие по кораблю, а то в свою очередь — в еще одно путешествие — почти археологическое. «Трюм», «Генераторная», «Третья палуба», «Рыбный цех» — маленькие главки вроде как должны исследовать чрево судна, а они вдруг открывают совсем другие двери: в прошлое (когда Майна еще жил на Цейлоне), в будущее (когда он стал писателем и переехал в Канаду), а то и вовсе — в мечту, где частицы старой жизни, точно нитками, пришиты к новой.

Во всех своих романах — и «Кошкин стол» не стал исключением — Ондатже мягко, но неизбежно втягивает в свой дом, в нежную страну, контуры которой не имеют с географией ничего общего, в мир своего восприятия. Так, при всей своей тонкости и мелодичности, он на самом деле оказывается очень властным автором: ведь постепенно вы начинаете смотреть на события и персонажей его глазами. А в данном случае — это глаза одинокого одиннадцатилетнего мальчика, старающегося распознать смысл чужих жестов, увидеть усиление и ослабление того притяжения между людьми, которое остается в памяти, но не остается понятным.

Попутчица в поезде

Дира Альмайер

Если говорить о книгах как о людях, то эту, несмотря на рассказанную в ней историю, не стоит считать сентиментальной особой, склонной выдумывать неизвестно что и плакать по пустякам. Элизабет увидела себя молодой на картине, которую ей из униженной и раздавленной Германии зачем-то привез немецкий мальчик, сын ее убитой в концлагере сестры. И воспоминание о прошлом мигом разрушило весь покой, с таким трудом и страданием добытый. Но что в том воспоминании было? Там был художник, написавший картину, и один вечер, в 1927 году, когда они вдвоем шли мимо украшенных к Рождеству витрин, а потом

пили чай в его студии и... Все, больше ничего, хотя ей показалось — может, помешало? — что это мгновение — самое прекрасное в жизни. Или так: что в нем «было больше жизни, чем во все последующие годы».

Об этом, в сущности, и написан «Немецкий мальчик»: о том, что случится завтра, никто не знает; о том, что радостей в жизни мало и что случаются они редко. А человек, с которым можно было бы сравнить эту книгу, — это попутчица в поезде, она вяжет, и кажется, что спицы клацают в такт стуку колес. «У нас, женщин, долгая память. Слишком хорошая. Как у слонов», — говорит эта женщина, и в этой ее фразе,

как и в самой книге, есть что-то беспросветно грустное и в то же время все-таки счастливое. Это «что-то» — как разные «я», сосуществующие в одном человеке.

Наверное, из-за того, что в романе так много героев, время в итоге становится главным: не какое-то конкретное, хотя даты и сменяют друг друга вместо глав, а то, которое растворяет — примерно как капли отбеливателя — человеческие планы, желания, даже мысли. Боже, что же оно вытворяет с людьми! Ну как это можно — так безжалостно подчеркивать все слабости, обострять черты, казавшиеся неважными, выставляя напоказ недостаток? Карен — сестра

Вастведт П.
Немецкий мальчик: Роман / Пер. с англ. А. Ахмеров.

М.: Фантом Пресс, 2012. — 448 с.
4000 экз. (п) ISBN 978-5-86471-617-5

Элизабет и мать немецкого мальчика — всегда выглядела такой веселой и легкомысленной, такой яркой и притягательной, такой отважной,

самоуверенной и пылкой. Как же такое случилось и почему она осталась в стороне, Карен — «хорошая жена нациста», ни во что не вмешивающаяся и не задающая «лишних» вопросов?!

Одни и те же события — мимолетные и на первый взгляд незначительные, как тот вечер, в 1927 году, — Патрисия Вастведт фиксирует их дважды, а то и трижды: глазами нескольких свидетелей. И самое удивительное здесь... Нет, даже не то, что восприятие получается таким разным, а то, что реакция самого писателя, «спрятанная» в описании чужого переживания, так отличается от той, которую вы ожидали услышать. Ответы

ты на многое в жизни можно отыскать в таких событиях, как будто кем-то хитрым расставленных в лабиринтах памяти, в прошлом, или в начале этой книги. Ведь то, о чем она рассказывает, похоже на испорченный телефон: каждая перемена в чьей-то жизни (Карен и Элизабет, их мужей или того художника) вытекает из предыдущей. Так, потихоньку, люди стареют, а изначальный смысл меняется, словно дорога убогает в сторону, петляет. Чтобы его уловить, схватить и не отпустить одной памяти, конечно, мало. Нужно быть очень чутким, как психолог и художник одновременно. Вастведт соединяет в себе их черты.

Рисунки из пражского чемодана

Как и большинство его коллег по «Миру искусства», Мстислав Добужинский был многопрофильным художником. Станковая и монументальная живопись, графика, сценография, книжная иллюстрация, журнальная карикатура — вот сферы его деятельности в разные периоды жизни. Киноведы знают о работах Добужинского в Голливуде в конце 1940-х гг. Известен он также как мемуарист, преподаватель и теоретик искусства.

Помимо работы на заказ и для выставок, он много рисовал для себя, для личного семейного альбома. Добужинский педантично собирал эти рисунки, наброски и эскизы, систематизировал и датировал их. В общем, относился к «частному» пластику своего творчества весьма серьезно. Он вообще был человек очень строгий и собранный, совершенно не богемный по характеру. Дореволюционные петербургские друзья за это звали его Лордом.

В 1920-е годы художник увез свой семейный архив на родину предков, в Каунас, где затем работал в государственном театре (оформлял, в частности, пьесу о восстании поляков и литовцев против царизма в 1831 г., для чего тщательно, по старым кни-

Добужинский М.
Семейный альбом / Сост. М.Гадас.
М.: Михаил Царев, 2012. — 192 с. 500 экз.
(п) ISBN 978-5-88149-553-4

гам, изучил военную форму первой трети XIX века.). Здесь семейный альбом пополнился новыми работами. К концу 1930-х это собрание насчитывало несколько больших чемоданов. Там были портреты, городские пейзажи, эскизы театральных костюмов и декораций, фотографии.

В 1938 году Добужинский собирался в Америку, куда его давно приглашали работать сценографом (впоследствии он оформлял спектакли для Метрополитен-опера). Чемоданы с архивом, как излишнюю обузу, решил покинуть оставить в Европе. Мало ли как пойдут дела за океаном. Да и начала большой войны этот прирожденный эстет не мог тогда пред-

видеть. Архив он оставил на хранение добрейшему Валентину Булгакову, последнему секретарю Льва Толстого и директору Русского музея в предместье Праги.

Война началась уже через несколько месяцев после отъезда художника. В старинном замке, где хранились сокровища русского искусства, разместился гарнизон вермахта. В 1945-м немцев выбивала оттуда Красная армия, в замке вспыхнул пожар, но рисунки Добужинского уцелели. Послевоенные чехословацкие власти, однако, не слишком торопились возвращать архив автору: дело об отправке чемоданов надолго застопорилось. Ценный художественный архив был национализирован. В 1960-е годы коллекция распалась: кое-что все-таки вернули наследникам художника, жившим на Западе, остальное поступило в фонды государственных музеев ЧССР. Уже в наши дни, после смерти сыновей Добужинского, началась аукционная распродажа принадлежавших им произведений мастера. Так часть бывшего «Пражского архива» оказалась в Москве, в собрании частной галереи «На Левинке». В марте нынешнего года эти работы были впервые в своей истории показаны широкому

зрителю на выставке «Семейный альбом». Даже специалисты о них прежде мало что знали. Впрочем, в истории «Пражского архива» и поныне кое-что остается неясным (коллекционеры, как известно, крайне неохотно раскрывают подробности своих приобретений)...

К выставке выпущен и альбом-каталог, включивший не только все работы из экспозиции, но и весьма интересные статьи — о художественных особенностях «домашней» графики Добужинского и судьбе многострадального архива. Выдающийся знаток русского изобразительного искусства первой половины XX века Валерий Турчин пишет о взаимодействии этих «семейных» рисунков с основным, «публичным» корпусом работ Добужинского. В работах этого цикла знаменитый искусствовед, признанный декоратор и стилизатор, рисовальщик-урбанист предстает как великолепный мастер мгновенного портрета, знаток психологии и человеческой природы, художник-реалист в лучшем смысле слова. По мнению В.Турчина, этот цикл представляет собой художественный дневник — ведь по рисункам из «Семейного альбома» можно проследить судьбу ближайших

Портрет военного (брат художника). 1914 г.

родственников художника и эволюцию его творчества, наблюдать за радостями и драмами повседневной жизни. Герои этой «семейной истории» — жена художника Елизавета Осиповна, сводная сестра Рогнеда (ее портрет «в манере Сомова» вынесен на обложку книги), сыновья Ростислав и Станислав, рано умершая дочь Вера, отец Валериан Петрович (генерал-майор артиллерии и знаток культурного наследия Литвы), брат Игорь... Показывая их в домашней обстановке, порой эскизно и импрессион-

стично, Добужинский тем не менее рассказал о них очень многое. Это не просто дневник, но целый роман о семье художника, причем именно модернистский роман — с не всегда завершенными сюжетными линиями и нечеткими мотивировками, с утонченным эстетическим фоном. Недаром на рисунках, показывающих интерьер квартиры Добужинских на Васильевском острове, мы видим картины на стенах, то рабочий кабинет художника, то рояль, на котором в этой семье так любили играть Грига.

Графический эпос

Лет семь назад председатель Московского клуба библиофилов Леонард Чертков заинтересовался вопросом: существует ли полная библиография изданий, иллюстрированных Фаворским? Ответ оказался «удручающе прост» — подобная библиография никогда не составлялась и даже количество таких изданий известно лишь приблизительно. Библиофил задумал восполнить этот пробел и составил каталог, включивший описания книг, публикаций в журналах и альманахах, логотипов, афиш, пригласительных билетов и многого другого,

к чему приложил руку Владимир Фаворский. В книге учтены также не вышедшие из печати и незавершенные работы мастера.

Чертков стремился создать не просто справочное издание, но во многом и книгу для чтения — для этого он включил в текст отрывки из воспоминаний Фаворского и его современников. В результате сухая библиографическая фактура оказалась встроена в любопытный историко-искусствоведческий контекст. Каталог рассказывает нечто важное и о выдающемся мастере русской гравюры XX века, и о самом состави-

теле. «Важнейший за последние годы вклад в научную литературу о Фаворском» — так охарактеризовал издание авторитетный искусствовед, специалист по книжной графике Юрий Герчук.

Тематический диапазон Фаворского-иллюстратора за полвека работы в профессии был весьма широк. Не все в этом наследии равноценно. Но в разговоре о столь значительных художниках нельзя упускать мелочей. В каталоге можно найти хрестоматийные иллюстрации к произведениям Пушкина, Шекспира, Данте, Бернса, Мериме, к «Слову о полку Игореве». Но особое внимание Чертков в своем каталоге уделяет раритетам — работам неисследованным, редко воспроизводившимся. Некоторые из них он сам отыскал и опубликовал. (Всего в книгу включено 182 иллюстрации.)

О редких работах Фаворского в пору писать не каталожную аннотацию, а культурологический очерк. Так, для одного издания начала 1920-х годов Фаворский выпол-

Книжная графика
В.А. Фаворского /
Сост. Л.Чертков.
М.: КОНТАКТ-КУЛЬТУРА, 2012. — 264 с.
3000 экз. (п) ISBN 978-5-903406-33-3

нил многофигурную гравюру на тему Гражданской войны с изображением Троцкого. Позднее, когда имя бывшего наркомвоенмора стало непроницаемым, художник высверлил этот портрет на доске и заменил профилем Ленина. Оттиски первоначального варианта гравюры чудом удалось разыскать.

Упоминается в каталоге и сборник «Памяти павших борцов революции», изданный на латышском языке в Москве в 1933 году. Через

несколько лет прибалтийские революционные землячества в СССР упразднили, а многие их активисты (в том числе коллега Фаворского, известный график Густав Клуцис) были расстреляны.

В 1940 году Фаворский проиллюстрировал калмыцкий национальный эпос «Джангар». Через четыре года книга попала в спецхран: калмыков депортировали на восток страны. Когда народ был реабилитирован, эпос переиздали — в СССР и в КНР (на старомонгольском). Гравюры Фаворского пригодились для обеих книг.

Вмешалась политика и в судьбу киргизского эпоса «Манас» — кстати, самого объемистого среди всех мировых аналогов. Вскоре после войны Фаворскому заказали его оформление; художник отправился собирать материал на берега Иссык-Куля, сделал ряд эскизов... Но в 1949-м эпическую поэму вдруг объявили «байско-феодалным, антинародным» произведением, и работа над книгой была прекращена.

Фаворский решал книгу как единый организм: помимо собственно иллюстраций, выполнял буквицы, инициалы, концовки, шмуцтитуты, гравированные шрифты, проектировал макет. Славал издание целиком, «под ключ» — в отличие от титулованных художников-реалистов, которые не снисходили до рисования «виньеток» и собственного ручного макетирования. «В хороших книгах, когда бумага подобрана, шрифт, — получается тело книги, масть, качество плоти, как у человека в конце жизни. В издании приводятся интересные размышления Фаворского о способах взаимодействия гравюры и печатного текста, о связи иллюстративного ряда с художественной манерой писателя. Попутно рассказано о технологиях и типах гравюры, а некоторые фразы из описаний («отпечатано с оригинальной доски», «вклейка с двойным фальцем», «цельнокожаный переплет с крашеным обрезом») способны пролить бальзам на душу истинных библиофилов.

Иллюстрация к «Сказкам» Б.Шергина

рецензии

Политика

Сюрпризы истории

Сергей Шулаков

Крики о погибели современной исторической мысли оказались преждевременными. Беда другая: по сию пору нет какой-либо внятной концепции изучения ни новейшей истории, ни даже истории XVIII–XIX веков, которая, казалось бы, находится в предпочтительном положении. Поэтому мы вынуждены констатировать некоторую методологическую растерянность, и именно ею, а не идеологической одержимостью или зашоренностью Марксом и Гегелем следует объяснять терминологическую расплывчатость и неопределенность. Которая в свою очередь обобщается будоражащим азарт фактом: под обложками исторических книг часто скрывается не то, чего ожидаешь.

Уступим –
будем прокляты

Святослав Рыбас определяет задачу своего труда уже во вступлении. Он стремится разобраться в том, как герой «вел непрекращающуюся борьбу обстоятельствами, которые были сильнее его, почему фантастические победы СССР обернулись глобальным поражением и как прошлый исторический опыт сегодня влияет на судьбу России». Подзаголовок книги предполагает задачи совсем уж эпические (Толстой ограничился лишь войной и миром в обоих смыслах). Эти масштабные задачи, возможно, встали перед автором потому, что он использовал в работе книги Андрея Громыко, автобиографический двухтомник «Памятное» и большую монографию «Внешняя экспансия капитала» – это название не является только идеологическим клише, оно точно отражает сущность явления, которое подвергнуто подробному анализу. Вот и вышло, что Андрей Громыко словно растворился в толкуемых им самим и, в свою очередь, автором биографии важнейших исторических событиях.

Биограф начинает издалека – от последствий Первой мировой войны, когда побежденная Германия на американские деньги выплачивала репарации и восстанавливала военную промышленность: «Опель», компания, принадлежавшая американской «Дженерал моторс», делала для вермахта автомобили, «Дженерал электрик» приобрела «Фокке-Вульф» (военные самолеты) и «Сименс» (системы связи), американцам принадлежали металлургические и химические гиганты; затем приведение к власти Гитлера, его вооружение («Юнкерс-87» строился по американским технологиям, например) и настойчивое подталкивание его к мировой войне. Все эти довольно известные – даже из упомянутой монографии Громыко – факты заслоняют героя. После точного и актуального политического анализа Святослав Рыбас возвращается к семье Громыко: отец-крестьянин еще при империи ездил на заработки в Канаду, воевал во время Первой мировой. Его сын в четырнадцать стал секретарем сельской комсомольской организации, затем – сельскохозяйственный институт в Минске, аспирантура,

Рыбас С. Громыко. Война, мир и дипломатия. М.: Молодая гвардия, 2011. – 550 с. – (Жизнь замечательных людей). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-235-03477-8

Институт экономики Академии наук... Взлет фантастический, даже если учитывать революционные социальные лифты. Святослав Рыбас подробно объясняет: большевики понимали, какой планки можно ожидать от «человека империи», пусть и революционера, им нужен был новый человек, «человек будущего», и на массовое образование не жалели никаких средств – тоже, согласитесь, по нынешним временам весьма актуально. Но карьера Громыко складывалась весьма успешно даже на фоне повсеместного выдвигания молодых профессионалов. В начале 1939 года по партийной линии он был назначен на работу в НКВД, а в мае стал заведующим Отделом американских стран. Такого не бывает – скажете вы. Однако один из самых прозрачных министров иностранных дел нашей страны начинал карьеру именно так.

Вынужденный выполнять задачу – «повествовать об обстоятельствах, которые были сильнее», – автор снова бросает своего героя и анализирует ход Великой Отечественной. Снова, подробно и точно, рассказывая не только о дипломатии, но и о боях, в том числе о том, как летом 1941 года на Ленинградском направлении три пролетарские дивизии – вооруженные царскими трехлинейками ополченцы – отбросили и едва не разгромили немецкий танковый корпус под злосчастным номером 41. 12 августа 1941 года на борту британского линкора «Принц Уэльский» близ Ньюфаундленда подписали Атлантическую хартию, фактически положив начало организации НАТО. 24 сентября к хартии присоединился СССР – наше членство в этом блоке дело самое естественное. Автор раскрывает цели союзников в Иране, Ираке и Ливии, время от вре-

мени освещая карьеру Андрея Громыко, приводя его высказывания. Так, подробно повествуя о переговорах Аденуэра в Москве в 1955 году, Святослав Рыбас заключает в скобки слова героя: «Я не сумасшедший, чтобы менять итоги войны. Если мы им уступим, то прокляты будем всеми замученными и убитыми. Когда я веду переговоры с немцами, то, случается, слышу за спиной шепот: “Не уступи, Андрей, не уступи, это не твое, а наше”». Затем автор снова погружается в эпоху, снова «выныривает» к герою... Который, кстати, не был эмоциональным человеком, как может показаться из вышеприведенного отрывка. В работе Громыко всегда руководствовался прагматизмом, направленным на соблюдение интересов страны, которую представлял. Что само по себе замечательно – ибо читая о деятельности министров империи и новейших времен часто задаешься вопросом: кому служили, например, Ламсдорф или Козырев? Очень не похоже, чтобы своему – и нашему – государству.

Никто не требует от автора биографической книги восторга или подобоострастия, и уж боже упаси – удовлетворения жгучего интереса определенного круга читателей к подробностям чужой жизни. Но так уж получилось, что биографию мы воспринимаем, имея в виду по крайней мере Плутарха, Светония, Вазари... Здесь же мы имеем дело с анализом эпохи, даже не ограниченной личностью героя, – ясным, довольно редким по глубине, конструктивности и актуальным именно сейчас.

Все было мрак
и вихорь

Попытка продемонстрировать «новый взгляд» на декабристов, предпринятая Леонидом Ляшенко, профессором кафедры истории России Московского педагогического университета, парадоксальным образом и состоялась, и не сбылась. Как и пристало историку, автор начинает разговор с подробной характеристики эпохи Александра I, переходя к Отечественной войне 1812 года. Новым в этом разделе с натяжкой можно признать лишь рассуждение, касающееся генерала Аракчеева, замфилологизированного дальше некуда. Меж тем Алексей Андреевич, артиллерист по образованию, был человеком исполнительным, последовательным – своих противников при дворе преследовал неустанно, добиваясь их громкого падения, а с окончанием войны с Наполеоном отказался от наград, так как не участвовал в боевых действиях, – но и вполне думающим: в 1815 году по приказу императора представил по тем временам довольно радикального свойства записку об изменениях в управлении государством и освобождении крестьян; записку эту учли в 1861 году.

Автор оживляет довольно академичное повествование курьезными моментами, впрочем, характеризующими эпоху. Московский полицмейстер Александр Павлович Шульгин (тот, что требовал от пожарных команд выезжать как мини-

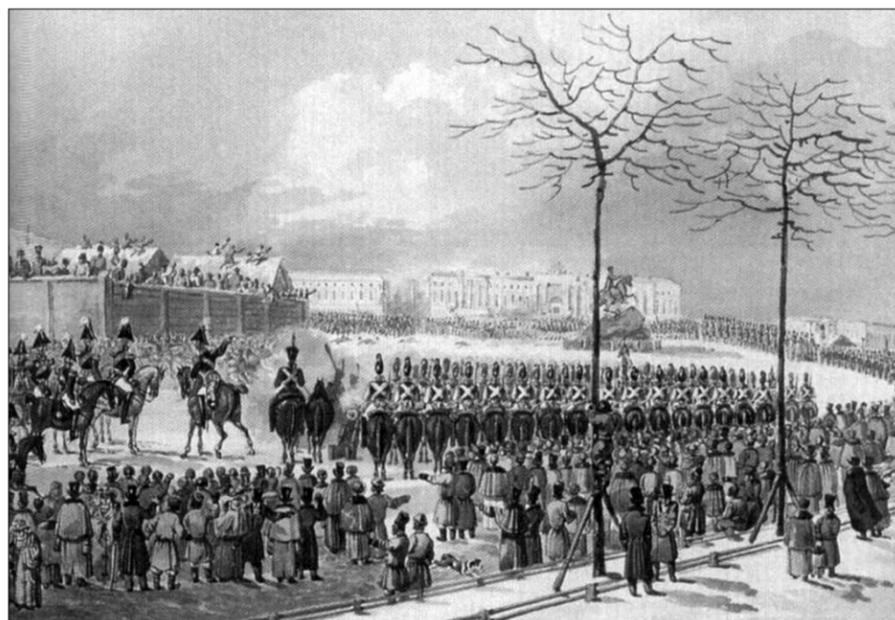
Ляшенко Л. Декабристы. Новый взгляд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. – 240 с. – (Сюрпризы истории). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-462-01021-7

мум за четверть часа до появления огня, а во время восстания приехал на Сенатскую площадь настолько пьяным, что пользы от него царю не было никакой) после смерти императора, коего он был полным тезкой, всерьез хлопотал о том, чтобы его переименовали в Николая Павловича. А высокий чиновник Министерства народного просвещения Магницкий, придя в ужас от вольнодумства, царившего в Казанском университете, предлагал наказать высшее учебное заведение «публичным стенного разрушением». Последовательный рассказ о причинах возникновения тайных обществ автор разрезает портретами, как называет их, «дворянских революционеров», черты личности которых на бытовых примерах становятся более достоверными. Отдельные и яркий портрет посвящен доносчикам. Так, муж сестры декабриста Лунина Уваров не доносил, но отрекался от шурина так исто- во, что Николай I попросил

его прекратить длинные и пламенные публичные речи. Дело объяснялось тем, что Уваров очень хотелось заполучить богатейшее поместье Лунина. Но когда оно было уже почти в руках, Уваров бесследно и навсегда исчез – многие историки подозревают, что именно он и есть загадочный старец Федор Кузьмич.

Мало кто из специалистов акцентирует внимание на том, что тайные общества выросли из полковых офицерских артелей, которые помогали решать бытовые проблемы как офицеров, так и солдат. Мало кто, кроме специалистов, подробно останавливается на выступлении Черниговского полка на Украине под руководством братьев Муравьевых-Апостолов. 25 декабря полк долго блуждал по деревням, где на зимних квартирах стояли другие части, пытаясь привлечь их к восстанию, но у села Ковалевка был встречен артиллерией и рассеян картечью – сценарий Сенатской площади повторился полностью. Однако автор предпочел не говорить о линии «Русско-американской компании», коммерческие интересы которой двигали некоторыми декабристами.

Новое же в этом взгляде можно усмотреть лишь одно: в книге Леонида Ляшенко в удобной для усвоения форме собрано почти все, что приличный человек (не специалист) должен знать о декабристах, а для тех, кому мало, дана скромная библиография. Такойстройной, красивой, универсальной и удобной концепции отдельной книги не встретишь даже и у Лотмана, перед которым, впрочем, стояли более весомые задачи. Общее настроение книги тоже не назовешь сенсационным, зато объективным назвать можно. Это сожаление о действиях русских «прогрессистов», которые, словно охваченные какой-то страстью, всегда стремятся опередить общественные перемены, движимые естественным ходом вещей. Оно читается в приведенном автором эпизоде: сановник, имя которого история не сохранила, встретив ведомого конвоирами Оболенского, вполне искренне воскликнул: «Что вы наделали, князь! Вы отодвинули Россию по крайней мере на пятьдесят лет назад!»

На Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Акварель К.Кольмана

Что было — то было

Захар Прилепин

Интересная штука — человеческая биография. Как выясняется, ее можно описывать бесконечно, и все равно, одно и то же, казалось бы, русло всякий раз обнаруживает новые повороты, а в нашем случае лучше сказать — загибы.

Про жизнь Есенина можно сочинять (и уже сочинили) исследования прямо противоположного толка. В одном он проживет жизнь златоголового агнца, которого все время несет рок событий, отрывая от жен и детей, тихих гаваней и рязанских полей, а в финале поэт погибает от рук злодея. В другом исследовании рано опустившийся алкоголик опускается с каждым годом все ниже, бежит сломя голову от тихих гаваней и рязанских полей в психбольницу и спелеченничью... но финал ему уже уготован: он себя убьет.

Можно, конечно, смешать два этих напитка по вкусу, но похмелье все равно будет неприятное.

Труднее всего быть беспристрастным и не описывать того Есенина, которого себе уже сам давно придумал, а теперь раскрашиваешь. И уж тем более не сводить про помощи поэта свои личные счеты с веком, другими поэтами и отдельными национальностями — скажем, с русской или с какой-нибудь там... не совсем русской. Лучше всего быть холодным, как криминалист, и просто сопоставлять десятки свидетельств, ничего по возможности не додумывая.

Алла Марченко, напротив, написала книгу страстную и даже, в хорошем смысле, вдохновенную. Результат, хоть и местами спорный, в целом любопытный.

Интересней всего у нее получается про Есенина и его женщин. Здесь Марченко, что называется, ломает стереотипы.

Анна Изряднова — мать первого ребенка поэта — традиционно воспринималась как девушка, в целом, хорошая, но все-таки простая и незатейливая. Марченко уверенно рисует другой образ: самоотверженной, сильной, умной, с характером, женщины — по итогам есенинской жизни, так вообще, едва ли не самой лучшей его спутницы.

Зинаида Райх, мать двух есенинских детей и будущая жена режиссера Мейерхольда, предстает в роли секс-бомбы (Марченко так и пишет) — чье эротическое очарование сносило мужские головы; заодно приводится дурного качества, зато малоизвестный слух, как, уже после смерти Есенина, постаревший Мейерхольд, бывший не в состоянии справиться с чувственной Зинаидой, позволял ей развлекаться с молодыми любовниками в его присутствии. Вот как, вот как.

Вообще сексуальности даже не самого Есенина, а его подруг уделено особенное внима-

ние. Айседора Дункан вообще именуется блудницей. И именно попытка понять, что такое Айседора и как она завладела Есениным, толкает последнюю его жену, внучку Льва Николаевича — Софью Толстую, — на роман с поэтом.

Толстой достается больше всего — упоминаются и «мохнатые ноги» Софьи, которые Есенин однажды обнаружил перед гостями, и ее якобы необычайная развратность (у Толстой было два, много старше ее, мужа до Есенина — один, к тому же, сифилитик, а потом еще Пильняк в качестве любовника — в общем, по нашим временам, сушная ерунда), и еще отдельно достается теще, которая хотела срочно прописать Есенина, чтоб Толстых не уплотнили в их московской квартире.

Не знаю, может, Алле Марченко что-то плохое сделали Толстые, но некая заданность тут все-таки чувствуется. «Софья Андреевна, — пишет Марченко, — была, может быть, и не совсем глупа, но недостаток ума усугублялся поразительной черствостью, я бы даже сказала душевной бездарностью». Сильно-с. Однако даже приводимые в книге цитаты из писем Толстой и тем более общеизвестные факты ее биографии рисуют несколько иную картину: вполне вменяемая женщина, она прожила после смерти Есенина в целом нешумную жизнь, и памяти мужа, с которым гуляла-бедовала чуть больше месяца, была очень преданна, и сделала много для возвращения его полного поэтического наследия.

Не менее жестко проходимся Марченко по Галине Бениславской — женщине, согласно общеутвержденному нынче мнению, преданной Есенину маниакально — занимавшейся его делами даже тогда, когда он уходил от нее к другим любовникам и прямо объявлял об этом, а в итоге покончившей жизнь самоубийством на его могиле. Марченко предлагает другую версию: Бениславская была девушкой глубоко расчетливой, в период отношений с Есениным сама «завела» двух любовников (что, в общем, отражается в ее дневнике) — мало того, одним из них был сын Льва Троцкого — Лев Седов. Переходя в натуральную беллетристику, Марченко даже описывает историю знакомства Седова и Бениславской. И идет дальше, предполагая, что поводом для самоубийства Бениславской стала не только смерть Есенина, но и женитьба Льва Седова.

В общем, жуткие страсти творятся в этой книге. Даром, что подход Марченко все равно и тут отдает некоторым морализаторством. И весь-то расчет Бениславской был в том, что, дождавшись, когда Есенин расстался с предыдущими женами и остался один (серьезная часть представительниц

Марченко А. Есенин. Путь и беспутье. М.: Астрель, 2012. — 608 с. Тираж не указан. (п) ISBN 978-5-271-3925733

слабого пола на этом обстоятельстве не заморачиваются, если есть цель), она целенаправленно стала посещать его выступления, занимая всегда одно и то же место: чтоб обратил внимание. Он и обратил.

Что до любовников, то появились они тогда, когда Есенин вымотал все нервы своей подруге, в том числе и признаниями, что она ему совсем не дорога как женщина. «Я должна быть верной ему? Зачем? Чего ради беречь себя? Так, чтобы это льстило ему?» — резонно вопрошает Бениславская в своем дневнике.

Касательно же конкретно Льва Седова, то тут вообще, скорее, имеет место допущение — хоть сколько-нибудь убедительных доказательств, что у Бениславской действительно был роман с сыном Троцкого, пока не имеется. Хотя читать про все это, сами понимаете, ужасно интересно — что поделал, человек слаб.

Очень много накопано и верно сопоставлено по датам касательно юношеского увлечения Есенина — Анны Сарда-новской, и любви следующей — помещицы Анны Кашиной, из которых затем поэт «вылепил» свою Анну Снегину.

К истории реальных есенинских подруг подцепили историю взаимоотношений Есенина и Ахматовой — которых, строго говоря, вообще не было — они пару раз виделись и друг другу, в общем, не понравились. Но в силу того, что Марченко уже написала книгу об Ахматовой и ее биографию знает досконально, она, судя по всему, приняла решение все тонкие нити, еле-еле связующие поэтов, скрутить хоть в какой-то узелок. И скрутила.

Отдельный разбор полетов устроила Марченко Анатолию Мариенгофу — он хоть и не жена, но тоже близкий Есенину человек, поэтому его треплют не меньше Толстой и Бениславской. У Марченко Мариенгоф, прямо скажем, нехороший тип. Едва он появляется в есенинской жизни, Марченко сразу ловит его за якобы лживый язык. В своих воспоминаниях Мариенгоф так описывает первую встречу с Есениным в августе 1918-го: «Передо мной стоял паренек в светлой, синей поддевке. Под ней белая шелковая рубаш-

ка. Волосы волнистые, желтые, с золотым отблеском». Марченко тут же осаживает Мариенгофа, говоря, что он «...явно не помнит, как в день шапочного знакомства был одет Есенин, поэтому и наряжает его в светлую... синюю поддевку, упоминаемую многими мемуаристами дореволюционной поры».

Ах, какой лгун, да? Беда в том, что тридцатью страницами позже сама же Марченко, рассказывая про встречу Есенина с большевиком Устиновым осенью 1918-го, описывает, как Устинова смутил нелепый вид поэта: «...поддевка, сапоги бутылочками, серенький длинный шарф». Мелочь, но предвзятость Марченко сразу же видна за километр: ловила за язык Мариенгофа, а поймала саму себя.

Дальше, в виду того, что других «поддевок» Мариенгоф для Марченко не оставил в своих мемуарах, она просто домысливает ситуации на свой вкус. Вот коварные Шершеневич и Мариенгоф втягивают Есенина в имажинистскую авантюру: «Есенин оторопел, но они наседали, а он то вяло соглашался: да, хорошо бы, но...» Вот злодейский Мариенгоф продолжает свою коварную работу, вторая Есенину: «...завяжи-вай, мол, со своим крестьянским обюзом. Дело надо делать. Дело и деньги. У тебя-де книжница вышла, не сегодня-завтра вторая выскочит, за ней третья. А папирсы купишь не на что. Разуй глаза, присмотришься». Есенин в ответ, пишет Марченко, «набычился». При следующем подходе ушлого Мариенгофа Есенина «чуть не стошнило».

И так далее, и тому подобное.

Все бы ничего, но вообще тут перед нами чистая «литература»: нет никаких свидетельств про то, что Есенин так уж «бычился» и «тошнился» при виде Мариенгофа с Шершеневичем, и то «оторопел», то «вяло соглашался», как девушка, которую сутенеры заманивают в фиктивное модельное агентство, — это просто Алле Марченко хочется представить картину подобным образом.

Вообще в отношениях Есенина и имажинистов имеет место своеобразная аберрация восприятия: мы же Есенина видим уже в качестве классика, иконы и всероссийской любви, а имажинистов зачастую вообще не можем разглядеть. Но стоит напомнить, что к моменту их встречи никакой всероссийской славы у Есенина не имелось в багаже: автор пары книжек, которые толком не раскупились, — он, по большому счету, к 1919 году был не многим известней Мариенгофа, а с Шершеневичем, шумно начинавшим еще с эгофутуристами, находился едва ли не на равных по уровню поэтического веса.

Не салонной петербургской, а именно всероссийской славы Есенин стремительно

Сергей Есенин и Анна Изряднова. 1914

достиг именно в имажинистской развеселой компании, чем, спору нет, был более чем доволен.

А по поводу конкретных претензий Аллы Марченко надо пояснить, что сам имажинизм в России придумал никак не Есенин, а Мариенгоф, что общеизвестно, и нечего по этому поводу так злорадствовать: Анатолий Борисович вовсе не пытался перетянуть одеяло на себя, а констатировал факт. «Ключи Марии» никак не являются теоретической имажинистской работой, что тоже ни для кого не секрет, и когда Мариенгоф об этом заявляет, он опять же говорит чистую правду. В споре Есенина и Мариенгофа действительно более всего виновата Катя Есенина, которая влезла в финансовые отношения ближайших друзей, ничего там толком не понимая, о чем, опять же, пишет в своих дневниках Бениславская; но так как Бениславская тоже «плохая», то ей Алла Марченко не доверяет.

Еще грустнее дело обстоит, когда Марченко касается не личной жизни Есенина, а его творчества. В рассматриваемой книге, увлекательной, достаточно цельной и совсем неглупой, есть одна прямо-таки чудовищная глава — где Марченко доказывает, что в поэме «Пугачев» Есенин под видом Пугачева описывал... Колчака. И еще немного Гумилева.

Колчак, конечно, фигура симпатичная, его актер Хабенский в кино играл, а Пугачев не столь выигранно выглядит, но, господа, как же несчастны в этом смысле советские сочинители. Никому же в голову не придет написать, что, описывая Петра в «Полтаве», Пушкин на самом деле описывал Пугачева. А описывая Пугачева в «Капитанской дочке», имел в виду Александра Невского и немого Рылеева. А в случае с Есе-

ниним — крути, как хочешь. Авторы самой известной биографии Есенина — Станислав и Сергей Куняевы — уже выдвигали версию, что под Пугачевым поэт прятал Махно и Антонова. Тут сомнения тоже есть, но хоть какие-то зацепки находятся. А Колчак... да...

Короче, надо быстрее закрыть эту тему и ответственно заявить, что Есенин, описывая Пугачева — описывал Емельяна Ивановича Пугачева, вождя крестьянской войны, который, естественно говорит стихами и с есенинскими интонациями (ну, не с маяковскими же), но так у поэтов положено испокон веков, начиная с Гомера. Верьте им на слово, пожалуйста.

Вот где Марченко верит на слово Есенину — так это в случае его самоубийства. Смерти Есенина посвящены первая и предпоследние главы книги — и это сделано с умом, и даже с тактом, в общем, Алле Марченко не всегда свойственным. Психологическая картина последней ночи Есенина — донельзя убедительная, болезненно точная; да и претензии Марченко к Владимиру Эрлиху, сбегавшему с предсмертным стихом поэта пьянствовать к молодым товарищам, более чем обоснованны. Они там, как выяснилось, рассказывали друг другу про Есенина анекдоты... пока он веревку цеплял к трубе парового отопления.

Напоследок, помимо благодарности за прочитанную книгу, у меня есть к Алле Марченко всего лишь один личный вопрос: как так получилось, что последний абзац на с. 313 в вашем сочинении является по смыслу полностью идентичным фрагменту на с. 338 в моей книге «Леонид Леонов» («Молодая гвардия», 2010)? Даже не знаю, что подумать.

1

Свобода и права

Рар Г.
«И будет наше поколение давать истории отчет...»: Воспоминания.

М.: Русский путь, 2011. – 728 с. 1000 экз. (п)
ISBN 978-5-85887-382-2

Имя Глеба Александровича Рара (1922 – 2006), активиста «пресловутого», как писали во время оно, Народно-Трудового Союза, руководителя сектора иностранных дел этой антибольшевистской организации, журналиста, историка, деятеля православия, известно, наверно, не всякому читателю, даже и интересующемуся историей русского зарубежья. Меж тем это была яркая фигура, заслуживающая всяческого внимания. В настоящем томе публикуются воспоминания Рара и ряд документов, связанных с его биографией и историей семьи. «Чтобы полноценно и беспрепятственно претворять в жизнь дарованную ему Богом свободу, человек должен пользоваться и внешними атрибутами свободы – правами» – вот жизненное кредо Рара.

2

История святости

Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Отв. ред. Т.Руди, С.Семяко.

СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 640 с. 600 экз. (п)
ISBN 978-5-91476-035-6

Новый – второй по счету – том научных работ, связанных с русской агиографией, отчасти представляет материалы международной конференции «Христианский текст в русской культуре» (совершенно не устаревшие, несмотря на шестилетний разрыв между конференцией и публикацией нынешнего тома), отчасти состоит из иных публика-

ций. Немалая часть представленных работ посвящена анализу отдельных жизнеописаний – Игнатия Ростовского (который пребывал в сани епископа 26 лет, псалм Церковь Христову, и преставился в 1288 году), Варлаама Керетского (в миру – Василий, родился во второй четверти XVI века в с. Кереть Кемского уезда в Кандалакшской губе на Белом море), Макария Калязинского (в миру – Матвей, основатель Троицкого Калязинского мужского монастыря).

Прочие работы связаны с иными аспектами истории русской святости и церковной истории: о роли пророчеств в средневековой и ренессансской культуре, функция проповеди в рамках эсхатологического учения о Третьем Риме, святости в эпоху Петра Великого и экклесиологии.

3

Аспекты гуманитаристики

Человек в мире культуры: История и культура повседневности: Мат. VII междунар. философско-культурологического симпозиума.

Рязань.: Рязань. Мир, 2011. – 230 с. 100 экз. (о)
ISBN 978-5-904852-08-5

Сборник, изданный рязанскими культурологами, охватывает самый широкий круг проблем, включает множество публикаций, связанных с самыми различными аспектами гуманитаристики. Невозможно перечислить все занимательные работы, вошедшие в эту книгу. Можно назвать статью А.А. Ерошкиной о презентации музейного дела в сетевом пространстве или работу Рича Даунса о повседневности как феномене любительской фотографии. С.В. Фролова рассматривает эволюцию доменной деревянной резьбы; Е.Н. Ларионова анализирует образ Юрия Гагарина в массовой культуре; И.В. Варивончик пишет об изменениях в американской семье новейшего времени...

4

Непрочитанная авангардистка

Морженкова Н.
Авангардистский эксперимент Гертруды Стайн: В поисках жанра.

М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 296 с. Тираж не указан. (о)
ISBN 978-5-397-02897-4

Наталья Морженкова, московский филолог, предлагает чуть ли не первую отечественную монографическую работу, посвященную великой американской авангардистке Гертруде Стайн (на Западе работы о ней исчисляются сотнями). Вообще, по разным причинам, Стайн остается у нас едва ли не самой непрочитанной из центральных фигур экспериментальной западной литературы XX века. Причин тому множество – и сложность формы ее текстов, а оттого и сложность перевода, – и, собственно, характерные черты этой – непростой – личности. Морженкова в своей книге рассматривает проблемы жанра и проблемы синтеза искусств в творчестве Стайн. Думается, эта работа, при всей своей академичности, поможет в прочтении Стайн отечественным читателем.

5

Маргинальные жанры

Неизвестный Александр Беляев. Театральные заметки. Пьеса / Сост. А.Андрюченко.

Иерусалим: Млечный Путь, 2012. – 294 с. Тираж не указан. (о)
ISBN 978-965-7546-28-4

Александр Беляев – один из самых знаменитых (наравне с Иваном Ефремовым и Аркадием и Борисом Стругацкими) советских фантастов. Он, в своем роде, отец-основатель: из отечественных писателей пер-

вой половины XX века – и писателей такого уровня, – пожалуй, лишь Беляев представляет «чистую» фантастику – все-таки и Евгений Замятин, и Михаил Булгаков, и Андрей Платонов, и много кто еще очевидным образом попадают в пределы фантастического мира «по касательной». Тем интересней, что в настоящем сборнике – стараниями Анны Андриенко – Беляев представлен в маргинальных для него жанрах. Во-первых, в сборник вошла пьеса для детей «Бабушка Мойра». Основное же место в нем занимают театральные рецензии, публиковавшиеся еще до революции в газете «Смоленский вестник». Здесь тексты не только о «звездах» вроде Сергея Рахманинова и Генрика Ибсена, но также о почти забытых на сегодняшний день персонажах сцены...

6

Междугородный проект

Графит. Литературный альманах: № 2 / Гл. ред. С.Сумин.

Тольятти, 2012. – 156 с. 100 экз. (о)
ISBN не указан.

Тольяттинский поэт, прозаик, эссеист Сергей Сумин начал издавать в своем городе литературный альманах «Графит» – вот уже второй его номер. Вообще Тольятти, при всей его промышленной дегуманизации, город литературный – оттуда и недавно умерший драматург Вадим Леванов, и один из лучших ироников-минималистов, пишущий под псевдонимом Айвенго... Важно то, что в «Графите» – авторы не только местные, но собранные из разных городов и стран – здесь и харьковчанин Юрий Цаплин, и челябинец Янис Грантс, и московский пермяк Андрей Пермяков. Здесь еще важно наличие критического отдела, придающего альманаху многомерность. «Я буду / Всегда / С тобой. / Но буду / Самим / С собой» (Тимофей Михайлов).

Автор рецензий – Данила Давыдов

Петр Будрин

Мать и Мао

Петтерсон П.
Я проклинаю реку времени. Роман / Пер. с норв. О. Дробот.

М.: Текст, 2011. – 240 с.
3500 экз. (п)
ISBN 978-5-7516-1008-1

Язык красивый и образный, и переводчик не подкачал, а вот работа корректора сомнительна – опечатки всюду. Весь роман – пара дней, проведенных героем с матерью, узнавшей о смертельном диагнозе. Описывая их, рассказчик обращается к разным периодам своей жизни: знакомству с женой – уже почти бывшей, к годам работы на заводе, частым походам в музей Мунка... Во всех историях хотя бы мельком появляется мать или то, что о ней напоминает. К концу книги мы узнаем: когда герой был маленьким, какой-то незнакомец принял его за приемыша. Видимо, отсюда это его стремление быть к матери ближе всех, нежелание походить на отца, протестное увлечение маоизмом (название романа взято из стихотворения китайского диктатора). Это роман о том, как уходит молодость. И то, что сопровождает человека, когда он становится собой, порою уходит вместе с ней.

Александр Петрова

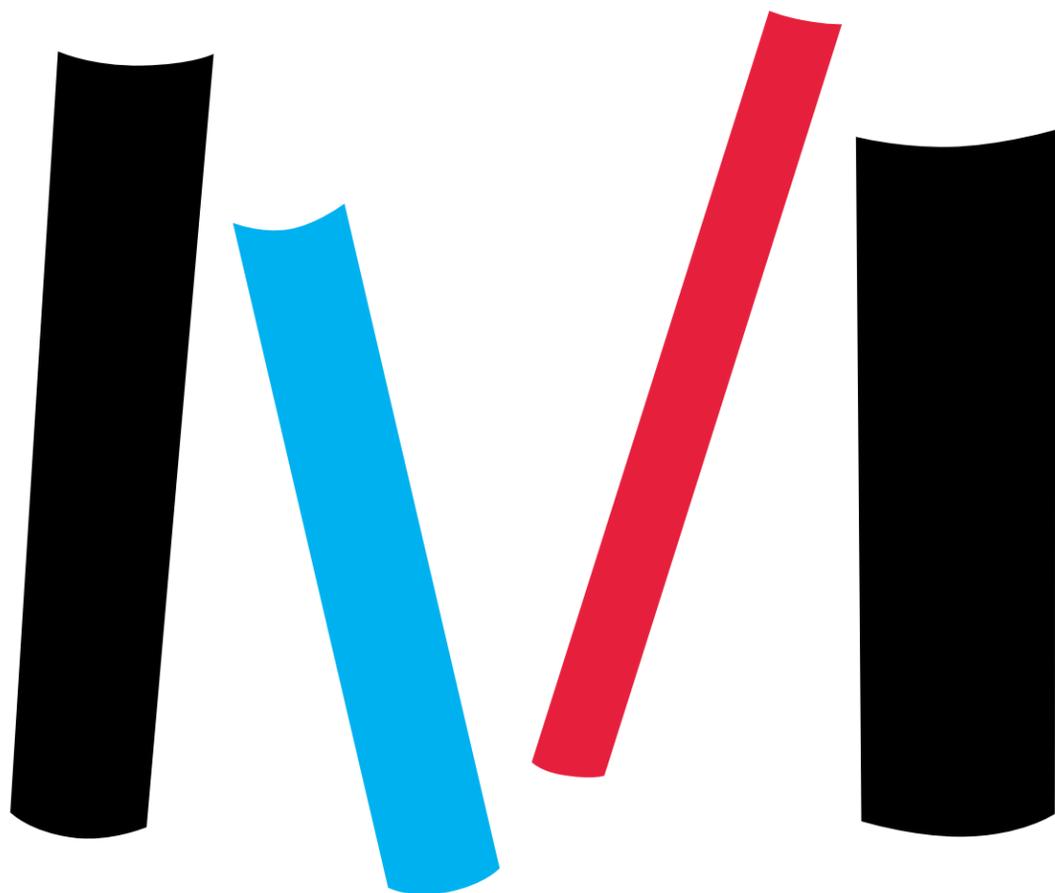
Слова «самосадные»

Лосев В.
Красно-белые рифмы: Стихи.

М.: ЭРА, 2011. – 232 с.
500 экз. (о)
ISBN 978-5-90-5016-94-5

«На обложке указан лишь «отец» вошедших в сборник стихов. «Мать» же их зовется «ВВ» и является главной спартаковской гостевой книгой...» Неужели перед нами современный – тематический – раешник, зазывающий публику к красно-белому «балагану» – священному для причастных? С одной стороны – да: «Стихотворец хмурится. / Зол, изнеможен: / – Ловчев – не рифмуец!!! / – Он и не должен...» Посвященные поймут, мимо проходящие – улыбнутся: «Футбол, футбол, футбол же! / (Халва, халва, халва!)» Но тесными дружескими «Междусобойчиками» всея «ВВ» дело не ограничивается: ни один поэт – даже самый страстный болельщик – не может ограничиться футболом. «Не совсем о футболе» – это действительно совсем не футбольная лирика: «... Там, где каждый год высота / Ожидает новой листвы, / Есть напечатленные листва! – / Никому незримо, увь».

7 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОТКРЫТЫЙ КНИЖНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Патронат

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям
Общественная палата РФ

В программе фестиваля:

книги, кино, музыка, выставки,
медиа-арт, спорт,
детская программа

Параллельные события:

6 ярмарка Vinyl Club /
винил / CD / аксессуары /
книги / букинистика / гравюры

9 –
12
ИЮНЯ
2012

ЦДХ
КРЫМСКИЙ
ВАЛ
10

Организаторы

Международная конфедерация
союзов художников
Центральный дом художника
Региональный общественный фонд
поддержки художественных проектов

Центральный дом художника

119049, Москва,
Крымский вал, 10
+7 (499) 238 12 45
+7 (495) 657 99 22 доб.231, PR
E-mail: cha@cha.ru
www.cha.ru
www.moscowbookfest.ru

www.moscowbookfest.ru

ПРОВЕРКА ЗНАНИЙ УЧЕНИКОВ

Серия «Готовимся к ЕГЭ»
Тренировочные задания тестовой формы
10, 11 классы

Русский язык
Авторы: Антонова С.В., Гулякова Т.И.
Рабочие тетради № 1, 2, 3, 4, 5

Математика
Авторы: Гусева Н.Н., Ионова Е.С., Федотова Л.В. и др.

- Предназначены для подготовки к ЕГЭ с 10 класса
- Построены по тематическому принципу
- Включают все основные темы курсов старшей ступени школы

Серия «Аттестация: школа, учитель, ученик»
Тематические и итоговые контрольные работы
Дидактические материалы

Биология
Авторы: Калинова Г.С., Мяжкова А.Н. и др.
6–9, 10–11 классы

Химия
Авторы: Каверина А.А., Корощенко А.С., Яшукова А.В.
8–9 классы

Алгебра. Профильный уровень
Авторы: Гусева Н.Н., Ионова Е.Е., Федотова Л.В. и др.
10–11 классы

Пособия содержат:

- контрольные работы по всем разделам курса;
- итоговые контрольные работы;
- методические рекомендации;
- бланки экзаменационной работы и инструкцию по их заполнению.

Предназначены преподавателям, ученикам, сотрудникам методических служб

Серия универсальных рабочих тетрадей «Работа над ошибками»

Русский язык, математика, алгебра, физика, биология, химия

- Предназначены для работы с любыми учебниками по предмету
- Способствуют закреплению пройденного материала
- Содержат задания различного уровня сложности
- Могут использоваться при самостоятельной работе

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВЕНАНА ГРАФ

Тел./ факс: (495) 611-15-74, 611-23-59
Email: pr@vfg.ru, sales@vfg.ru
Посетите наш интернет-магазин на сайте: www.vfg.ru

По вопросам размещения рекламы в изданиях ИД «Книжное обозрение» обращайтесь

по тел. (495) 689 14 55.

e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

книжное обозрение

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка», ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80

«Гиперион-БУК» ст. м. «Римская», «Площадь Ильича», ул. Рабочая, 38. Тел. +7 916 613 42 86

«Гилея» Тверской бульвар, д. 9. Тел.: (495) 925-8166

«Книги в Билингве» Кривоколенный переулок, д. 10, стр. 5. Тел.: (495) 623-66-83

Дом Книги «Медведково» Заревый проезд, 12. Тел.: (499) 476-16-90

«Джаббервоки» ул. Покровка, 47/24, стр. 1. Тел. (495) 917-59-44

«Додо» Рождественский бульвар, д.10/7. Тел. (495) 628-67-38

Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького ст. м. «Тверская», Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98

Книжная лавка ВГБИЛ ст. м. «Таганская»-кольцевая, «Китай-город», ул. Никольямская, 1, центральный вход. Тел. 915-31-00

«Книжный при музее» («Циолковский») ст. м. «Лубянка», Новая площадь, 3/4, Политехнический музей, подъезд 7Д. Тел. 628-64-42

«Молодая гвардия» ст. м. «Полянка», ул. Б. Полянка, 28. Тел. 238-50-01

Московский Дом книги ст. м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, 8. Тел.: 203-82-42, 203-75-60

«Москва» ст. м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, 8. Тел. 629-64-83

«Фаланстер» ст. м. «Пушкинская», Малый Гнездиковский пер., 12/27. Тел. 749-57-21

В Санкт-Петербурге:

ООО «Санкт-Петербургский Дом книги» Невский просп., 28. Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры «Дворец культуры им. Крупской» Проспект Обуховской обороны, 105. Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

Книготорговая группа **ПродаЛитЪ**

«Мир книг» ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98

«Книга-маркет» ул. Улан-Баторская, 2. Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга» ул. К. Маркса, 12. Тел. (3952) 201-911

«ПродаЛитЪ» ул. Байкальская, 172. Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродаЛитЪ» ул. Партизанская, 1. Тел. (3952) 20-66-07

«ПродаЛитЪ» Советский пер., 1. Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск: «Ангарский ПродаЛитЪ» ул. Ленина, 30. Тел. (3951) 52-82-69г. Братск:

«Братская книга» ул. Крупской, 27. Тел. (3953) 42-85-06

г. Улан-Удэ: «Книжный ряд» ул. Шумяцкого, 3а. Тел. (3012) 42-06-83

г. Шелехов: «Шелеховский ПродаЛитЪ» 5-й квартал, 23а. Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»: ул. Большая Покровская, 46. Тел. (831) 434-03-05

ул. Большая Покровская, 46, 2-й этаж – Литературное кафе «Библиотека» Тел. (831) 433-89-34

ул. Белинского, 118. Тел. (831) 278-78-47

ул. Щербакова, 2. Тел. (831) 270-45-66

ул. Советская, 19/2. Тел. (831) 246-37-85

М КНИГИ

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»

Магистр-Чехова

ул. Чехова, 31. Тел. (863) 263-53-31

Магистр-Универсальный

ПродаЛитЪ ул. Б. Садовая, 67. Тел. (863) 299-98-96

Магистр

ул. Зорге, 68. Тел. (863) 266-09-10

Магистр-Северный

ул. Королева, 22/30. Тел. (863) 248-63-87

В Таганроге:

Магистр-Таганрог ул. Петровская, 42. Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:

Магистр-Волгодонск ул. 30-летия Победы, 9. Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь ул. Голенева, 49. Тел. (8652) 26-62-95

В Молдове:

"Liga Presei" Chisinau. bd. Stefan cel 196. Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus: Рига, ул. Езусбазицас, 7а. Тел. магазина (+371) 722-17-78, 722-17-76. Тел. оптового склада (+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга» г. Киев, ул. М. Берлинского, 9. Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

«Русские книги» Кантштрассе 84 10627. Тел. 030/323-48-15

Русский дом науки и культуры «Русские книги» Фридрихштрассе 176-179 10117. Тел. 030/200-76-164

Рейтинги и отзывы читателей социальной книжной сети LiveLib.ru

Fiction – самые обсуждаемые книги

место	автор, название, издательство	кол-во рецензий
1	Сьюзен Коллинз. Голодные игры. М.: АСТ, Астрель, 2010.	13
2	Сергей Лукьяненко. Новый Дозор. М.: АСТ, Астрель, 2012.	12
3	Шейн Джонс. Остаемся зимовать. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2012.	9
4	Мариам Петросян. Дом, в котором... М.: Гаятри/Livebook, 2009.	9
5	Дэниел Киз. Цветы для Элджернона. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010.	9
6	Стиг Ларссон. Девушка с татуировкой дракона. М.: Эксмо, 2009.	9
7	Диана Уинн Джонс. Ходячий замок. М.: Азбука-классика, 2009.	8
8	Мария Парр. Вафельное сердце. М.: Самокат, 2012.	8
9	Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков. М.: Эксмо, 2009.	8
10	Лорен Оливер. Прежде чем я упаду. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011.	8

Самые популярные рецензии

«Дом сна» Джонатана Коу – от TibetanFox

С недавних пор при чтении книги я стала приклеивать сзади небольшой листочек, чтобы делать там пометки, что я хочу выделить, запомнить, о чем я хочу сказать. На этот раз листочек был полностью заполнен на 34 странице, то есть меньше чем на 1/10 объема книги. И я поняла, что не могу читать дальше, я хочу написать, чтобы не растерять впечатления, ведь такими темпами к концу книги я бы исписала уже 10 листочков. Потому что это не книга. Это настоящий клад. Клад пошлости, пафоса и дешевизны. Вообще можно ничего не писать, достаточно было бы просто привести цитаты. За день я надергала этих цитат на неплохой текстовый файл. Главная претензия – язык. Написано отвратительно, убого, ущербно. Такое чувство, что вообще писал не человек, а какой-то генератор соплей и драмы. Фразы, их наполненность поражают. ...Пошлость. Пошлость и тривиальность, достойная моих тетрадок, которые я исписывала в возрасте десяти лет. Правда, я еще тогда поняла, что литературным талантом не обладаю, и успокоилась, а вот гуру тупых ванилек не успокоится до сих пор.

«...Она же «Грейс»» Маргарет Этвуд – от Mavka_lisova

Знаете, мне очень нравятся люди, которые в курсе, что такое беды и лишения. Кто месяцами питался одной китайской вермишелью, кто вытягивал из запоя отца, кто работал на улице при минус 20-ти, кто кидал три комка земли. Таким людям я скорее и охотней прощу проступки и копошение тараканов в голове. Люди, которым были посланы испытания, имеют право сами испытывать этот мир. Ведь страдания облагораживают вовсе не потому, что создают романтический ореол, а потому, что добавляют нам мудрости и формируют жесткий, волевой внутренний стержень, а это само по себе уже повод для уважения. Человек-фиалка может быть сколь угодно красив, умен и начитан, но внутри он мягкий и водянистый. И это безошибочно чувствуется. Вот почему я буду всегда «за» таких, как Грейс Маркс, и всегда буду оправдывать их. Да-да-да. И даже не важно: была ли она сумасшедшей или ехидно прикидывалась, хладнокровно убила Нэнси или была оклеветана завистливым Макдермоттом, была невинной жертвой или озлобленной маленькой стервой. Плевать.

Конец Пути

Первый после затянувшихся майских праздников выпуск рейтинга бестселлеров «КО» порадовал долгожданными новинками. С первой позиции на остальных участниках победно взирает Сергей Лукьяненко. «Новый Дозор». Неужели все? Существует ли конец Пути? «Нет!» – уверенно заявляют издатели. И призывают всех поклонников творчества г-на Лукьяненко приобрести его новую книгу.

Между новичками втиснулся Юрий Поляков. Его «Конец фильма, или Гипсовый трубоч» – завершение сатирической эпопеи, сюжета, лихо закрученного в первой части «Гипсовый трубоч, или Конец фильма» и головокружительно продолженного во второй – «Гипсовый трубоч: Дубль два».

Замыкает тройку лидеров «Пакт» Полины Дашковой. Действие романа происходит накануне Второй мировой войны. В Москве сотрудник «Особого сектора» при ЦК ВКП(б), спец-референт по Германии Илья Крылов составляет информационные сводки для Сталина. В Берлине журналистка Габриэль Дильс работает на советскую разведку. Никто не в силах остановить эпидемию безумия в СССР и в Третьем рейхе. Но можно попытаться спасти жизнь хотя бы одного человека, пусть даже далекого и незнакомого.

Из новинок стоит отметить также «Комьюнити» Алексея Иванова и «Записки усталого романтика» Михаила Задорнова. Падением недели стало перемещение Александры Марининой со второй на десятую позицию.

Прибавилось новинок и в категории нехудожественных книг в переплете. На третьей позиции оказался Мортимер Адлер «Как читать книги: Руководство по чтению великих произведений». Книга впервые была издана в 1940 году, затем последовало переиздание в 1972-м. И до сих пор она остается классическим трудом по психологии чтения. Мортимер Адлер впоследствии стал председателем редакционного совета энциклопедии «Британика».

Прошедший День Победы оживил интерес к книге «Я посетил сей мир. Из дневников фронтовика» Владимира Бушина. С осени 1942 года автор участвовал в Великой Отечественной войне в составе 50-й армии, прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. Потом – Маньчжурия, война с Японией. На фронте вступил в партию, публиковал свои стихи в армейской газете «Разгром врага». После возвращения с войны окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в газете «Молодая гвардия», где стал широко известен как литературный критик и мастер фельетона.

Людмила Шибанова

Fiction

переплет

место	автор, название, издательство	место	автор, название, издательство
(пред. нед. / всего нед.)		(пред. нед. / всего нед.)	
1	Сергей Лукьяненко. Новый Дозор. М.: АСТ, Астрель, 2012.	1	Иван Наумов. Тени. Кн. 1: Бестиарий. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
2	Юрий Поляков. Конец фильма, или Гипсовый трубоч. М.: Астрель, 2012.	2	Екатерина Вильмонт. Артистка, блин! М.: АСТ, 2012.
3	Полина Дашкова. Пакт. М.: АСТ, Астрель, 2012.	3	Юрий Сазонов. Тамплиеры: Кн. 1: Рыцарь Феникса. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
4	Алексей Иванов. Комьюнити. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.	4	Сергей Тармашев. Древний. Возрождение. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
5	Михаил Задорнов. Записки усталого романтика. М.: Эксмо, 2012.	5	Игорь Алимов. Дракон: Кн. 3: Иногда они возвращаются. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
6	Паоло Коэльо. Алеф. М.: Астрель, 2012.	6	Тулдио Аволедо. Метро 2033. Корни Небес. М.: АСТ, Астрель, 2012.
7	Эдвард Радзинский. Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Начало. М.: Астрель, 2012.	7	Дмитрий Глуховский. Метро 2033. Непогребенные. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
8	Александр Пушкин. Конек-Горбунок. М.: КАЗАРОВ, 2011.	8	Метро 2033. Последнее убежище: Сб. М.: АСТ, Астрель, 2012.
9	Гражданин поэт. На смерть проекта. Гражданская панихида. Наши – все! М.: КоЛибри, 2012.	9	Дмитрий Колодан. Пангея: Кн. 2: Подземелья карликов. М.: Этногенез, АСТ, 2012.
10	Александра Маринина. Бой тигров в долине: Т. 2. М.: Эксмо, 2012.	10	Игорь Пронин. Наполеон: Кн. 1: Путь к славе. М.: Этногенез, АСТ, 2012.

обложка

Non-fiction

переплет

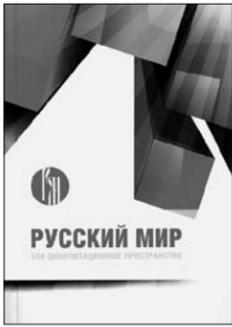
место	автор, название, издательство	место	автор, название, издательство
(пред. нед. / всего нед.)		(пред. нед. / всего нед.)	
1	Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Сретенский монастырь, ОЛМА Медиа Групп, 2011.	1	Дмитрий Наумов. Терапия без таблеток. Быть здоровым легко. М.: Эксмо, 2012.
2	Уолтер Айзексон. Стив Джобс. М.: Астрель, Corpus, 2012.	2	Михаил Веллер. Срок для президента. М.: Астрель, 2012.
3	Мортимер Адлер. Как читать книги: Руководство по чтению великих произведений. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.	3	Сергей Лазарев. Опыт выживания: Ч. 4: Диагностика кармы: II серия. СПб.: Лазарев С. Н., 2012.
4	Владимир Бушин. Я посетил сей мир. Из дневников фронтовика. М.: Алгоритм, 2012.	4	Дмитрий Шеглов. Фаина Раневская. «Судьба-шлюха». М.: АСТ, 2008.
5	Владимир Познер. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012.	5	Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей. М.: Альпина Паблишер, 2011.
6	Стивен Хокинг. Высший замысел. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2012.	6	Игорь Борщенко. Изометрическая гимнастика доктора Борщенко. Позвоночник и суставы. М.: АСТ, 2011.
7	Александр Остервальдер. Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора. М.: Альпина Паблишер, 2012.	7	Самая нужная книга для самого нужного места. М.: Астрель, 2012.
8	Николай Злобин. Америка... Живут же люди! М.: Эксмо, 2012.	8	Михаил Веллер. Отцы наши милостивцы. М.: Астрель, 2012.
9	Пьер Дюкан. 350 рецептов диеты Дюкан. М.: Эксмо, 2012.	9	Дэвид Серван-Шрейбер. Антирак. Новый образ жизни. М.: РИПОЛ классик, 2011.
10	Елена Чекалова. Мировая кухня. М.: Астрель, 2012.	10	Петр Попов. Микрогимнастика для позвоночника. М.: Книжный клуб 36.6, 2012.

обложка

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амадеос», «Амиталь», «Новый книжный», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «У Сытина», «Молодая гвардия», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

①

②

③

④

⑤

⑥

①

Место в мире

Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А.Гусейнова и др.

М.: ИФРАН, 2011. – 303 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-9540-0207-2

В издании приводится философский анализ судеб страны с различных позиций, ее культуры и, собственно, самой «русской идеи», о которой заговорили после победы над Наполеоном, когда Россия оказалась втянутой в гущу европейской политики. С Петра I началась история модернизации страны. Во времена Екатерины французское Просвещение было оборвано как восстанием Пугачева, так и гильотиной Французской революции. Именно средневековый город повсеместно являлся «носителем того динамичного начала, под влиянием которого в Европе складывались послышки для формирования гражданских институтов». В издании рассматриваются вопросы как компетенции вече, так и приглашения и изгнания князей. Другая по-прежнему актуальная тема — отношения избранного на престол Михаила Федоровича и Земских соборов. Помимо исторических аспектов описываются механизмы наследования культур и их распространение в мире, а также русский архетип и способы преодоления культурного раскола.

②

Контракт на подвиг

Морозова Ю. Телохранитель для мессии: Телохранитель для мессии; Дорогами Пророчества; Знак Единения. М.: Альфа-книга, 2012. – 699 с.: ил. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9922-1105-4

Не всем в жизни выпадает шанс начать все сначала, но вовсе не стоит из-за этого расстраиваться. Угодить в сказку — легко, но вот ока-

зывается, что и здесь есть этакий хозрасчет, и работать придется без выходов. Поэтому простой отечественный офис-менеджер Лия сразу пытается, помимо права быть Избранной, договориться об «оплате труда, премиальных за риск, социальных льготах...» Потом начинается то самое магическое обучение. Но как становится не по себе, когда понимаешь, что мессия, которого ты согласилась охранять, — это твой будущий сын, а его отцом должен стать только что увиденный принц. Вот тебе и работа телохранителя, долгие предшествующие тренировки, ритуал. Но это только начало трудовой деятельности Лии в той самой непростой сказке...

③

Восточная мозаика

Триединство. Россия перед близким Востоком и дальним Западом: Научно-литературный альманах. Вып. 1: 10 лет со дня «черного вторник» сентября 2001 года.

М.: Грифон, 2012. – 560 с. – (Восток-Запад). 500 экз. (п) ISBN 978-5-98862-078-5

Сборник, составленный Институтом востоковедения РАН, включает в себя мемуарные очерки и научные статьи, посвященные вопросам терроризма, а также роли армии на Востоке. Среди авторов: Е.М.Примаков, академик РАН Л.И.Медведко, чл.-кор. РАН В.В.Наумкин, академик РАН В.И.Шеремет и другие. Так, в статье «Цивилизация и «культура смерти»» рассматриваются предчувствия грандиозной исторической пертурбации и иррациональная тяга части человечества к массовой деструкции. Возникает актуальный вопрос: «Во что превратится мир, когда «империи рухнут и армии разбеются?» Станет ли Ordo Novo всеобщим благом — мирным соседством льва и лани, согласно провидению (Апокалипсису) Исайи?.. В подземельях глобального Undernet'a рождаются ярые существа, кующие собственный вид оружия и отыскивающие асимметричные угрозы архитектонике унизившей их цивилизации».

④

Товарищи ученые

Рымжанов Т. Право быть человеком: Роман.

СПб.: Ленинградское издательство, 2012. – 352 с. 4550 экз. (п) ISBN 978-5-9942-1013-0

Если охраняешь какую-то странную секретную лабораторию, то рано или поздно вляпаться или в светлое, или в темное будущее. Всегда найдутся желающие исправить, ускользнуть эволюции, и тогда с самыми лучшими намерениями очередной научный работник заявит: «Скоро весь мир будет вынужден принять эти технологии как данность. Как неизбежность... Это довольно вкусное чувство, встать на место творца и слепить мир, пусть пока под микроскопом, но по-своему». А тем временем из другой лаборатории вырвалась некая модификация «Матка», которая добралась до представителей рода человеческого — и в результате появились те самые измененные, зараженные «красной чумой». А ведь все началось с идеи ученых о реакторе, способном производить любое сырье из мусора...

⑤

Анатомия междуусобицы

Устинов В. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров.

М.: Вече, 2012. – 432 с.: ил. – (History files). 2000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-5294-9

В издании не только досконально описаны все важнейшие события этого периода, но и подводятся итоги: «Со всей ответственностью можно заявить, что главные мифы всех учебников по истории — самоубийство феодального баронства и построение тюдоровского абсолютизма на руинах аристократии — можно сдать в архив... Последствия гражданских войн для английских лордов могли стать более серьезны-

ми, если бы последовательно применялась такая форма наказания, как конфискация имущества за измену». Эпизод: 13 мая 1486 года братья Стаффорды, являвшиеся сторонниками убитого в сражении на Босуортском поле Ричарда III и пытавшиеся поднять восстание против нового короля Генри VII, бросили остатки своего воинства и укрылись в убежище Колнхем вблизи деревни Эдингдон. Но посланный королем сэр Джон Сэвидж с отрядом в 60 человек ворвался в убежище и захватил Стаффордов. Вскоре состоялся и королевский суд, который вынес вердикт, что права святого убежища не могут распространяться на предателей, после чего старший из братьев, виконт Хамфри Стаффорд был казнен. Когда римский папа Иннокентий VIII получил жалобу от родственников казненного за нарушение права убежища, он выпустил специальную буллу, отменявшую привилегии святых мест по укрывательству государственных изменников.

⑥

Столп света

Матушка Матрона: Сб. / Сост. Н.Круглянская.

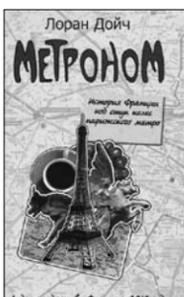
М.: Русский издательский центр, 2012. – 112 с. 7000 экз. (п) ISBN 978-5-4249-0013-6

В красочно оформленное издание включены повести о житии, детских путешествиях Матроны по святым местам вместе с дочерью местного помещика Лидией Яньковой, в том числе рассказ о встрече маленькой Матрушки в Андреевском соборе Кронштадта со святым Иоанном Кронштадским, который назвал слепую паломницу своей сменой и «восьмым столпом России». В тексте приводятся слова самой старицы и акафист святой блаженной Матроне Московской. Отдельные главы посвящены описаниям ее скитаний и сделанных ею пророчеств, а также обретения честных мощей блаженной старицы и свидетельств той чудесной помощи, которую получили тысячи людей благодаря молитвам блаженной Матроны.

Автор рецензий — Алекс Громов

Одд Локи

Между легендами и реальностью

Дойч Л. Метроном. История Франции под стук колес парижского метро / Пер. с фр. Е.Мурашкинцевой, В.Смирновой.

М.: Вече, 2012. – 352 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-5600-8

В Париже находятся тысячи исторических достопримечательностей, и почти с каждой из них связан свой исторический миф (а порой — и не один). Например, Малая Галерея, задуманная Екатериной Медичи, чтобы соединить Лувр с дворцом Тюильри, до сих имеет печальную славу. Считалось, что именно с ее балкона второго этажа, выходящего на Сену, Карл IX во время Варфоломеевской ночи стрелял из аркебузы по гугенотам. На самом деле во время этого кровавого события Галереи еще не существовало. Автор книги, известный французский актер, странствует с читателями по площадям и эпохам, описывая как деяния прославленных королей и почти всемогущих министров, так и останки исчезнувших легендарных строений. Так, декрет о разрушении башни Тампля издал в 1808 году Наполеон, и теперь память о тамплиерах сохраняется в названии улиц...

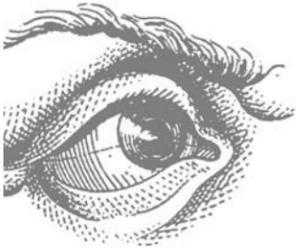
Арти Д. Александер

Настоящий Аристократ

Башкиров М. Испытания любимого кота фюрера в Сибири. М.: Флюид ФриФлай, 2012. – 528 с. 2000 экз. (о) ISBN 978-5-905720-06-2

История кошачьих всегда занимательней человеческой, ибо эти грациозные четвероногие лишены многих пороков, среди которых — жадность и предсказуемость. Конечно, не может не радовать утверждение автора, что «при написании романа не пострадало ни одно мяукающее существо». Итак, история суперкота Аристократа начинается с дороги дальней: «Три года назад шестимесячного котенка доставили чартерным рейсом из Европы в Азию, из ухоженной и законопослушной страны — в разнузданную и безалаберную державу, из благодатной рейнской долины — на суровые ангарские берега, из секретного питомника — в доморощенный гламур», который нынче ценят олигархи-сибиряки старовойсковской закваски. А позже приглашенное светило немецкой психиатрии выяснило, что Аристократ стал для хозяина магната главной ценностью. Но то был лишь первый этап на пути к мировой славе...

НОВОСТИ

Новый Маугли

Очередная экранизация киплинговской «Книги джунглей» («The Jungle Book») готовится на студии Disney.

Автором сценария выступит Стив Кловз, написавший все восемь частей кинопоттерианы, а также «Нового Человека-паука» («The Amazing Spider-Man»).

Вышедшая в 1894 году «Книга джунглей» экранизировалась не раз. Первая, британская, киноверсия под названием «Маленький погонщик слонов» вышла в 1937 году, ее сняли Роберт Флаэрти и Золтан Корда. Продолжение под названием «Книга джунглей» Золтан Корда снял один. В 1994 году появилась киноверсия студии Disney с Джейсоном Скоттом Ли в роли Маугли.

Кроме того, существует несколько популярных анимационных версий. Две из них — диснеевская и советская — вышли в 1967 году. При этом в Голливуде основательно переделали сюжет, и имена персонажей, тогда как на «Союзмультфильме» старались придерживаться оригинального текста. Также в 1989 году появился цикл японского аниме, впоследствии продублированный на хинди и пользовавшийся большим успехом в Индии.

Оскар-терьер

Американское издательство Simon & Schuster в конце этого года намерено выпустить книгу мемуаров прославившегося своей ролью в оscarном фильме «Артист» терьера по кличке Угги, текст от его имени будет написан журналисткой Венди Холден. Ходят слухи, что она понимает язык собак.

В феврале этого года Угги стал первой в истории премии Академии киноискусств и наук оscarоносной собакой, поднявшейся на сцену театра Kodak во время церемонии вручения «Оскар». Угги сыграл роль в фильме Мишеля Хазанавичуса «Артист» — лента получила пять главных призов, включая награды за «лучший фильм года», «лучшую режиссуру» и «лучшую мужскую роль» в исполнении Жана Дюжардена.

Угги, таким образом, стал дважды «оскарносною» собакой. Ранее он выиграл «собачий Оскар», учрежденный интернет-изданием Dog News Daily, которое обещало перечислять все доходы от проекта собачьим питомникам.

Подготовил Даниил Мартин

Альтернативный майор

Владимир Березин

Нетрудно проследить связь нового фильма Алексея Андрианова «Шпион» (экранизация «Шпионского романа» Бориса Акунина) с особой «эстетикой жанра» предвоенного времени.

По разным изданиям кочует цитата из Шкловского о майоре Пронине и его авторе: «Советский детектив у нас долго не удавался потому, что люди, которые хотели его создать, шли по пути Конана Дойла. Они копировали занимательность сюжета. Между тем можно идти по линии Вальтера и еще больше — по линии Пушкина. Надо было внести в произведение моральный элемент... Л. Овалов напечатал повесть «Рассказы майора Пронина». Ему удалось создать образ терпеливого, смелого, избрательного майора государственной безопасности Ивана Николаевича Пронина... Жанр создается у нас на глазах». Шкловский добавляет: «Книга призывает советских людей быть бдительными. Она учит хранить военную тайну, быть всегда начеку...»

Тут все неправда — потому что в лучших своих вещах Овалов использовал совершенно классические схемы, причем именно от Конана Дойла. В детективном повествовании никогда не прекращали использовать парных героев. Холмс и доктор Ватсон, Ниро Вульф и Арчи Гудвин, да и в половине советских детективов ум и сила разнесены. Ум и сила, мудрость и молодость, размышление и драка.

В фильме «Шпион» тоже присутствует пара — один майор, хоть и старший, и молодой чекист, глуповатый, но искренний. Это наш «дизель-панк». Жанр рождается у нас на глазах. (Говоря об этом фильме, будет обязательно путать слова «стимпанк» и «дизель-панк». Между тем запомнить отличие очень просто: «стимпанк» — это фильм «Wild Wild West», а «дизель-панк» — это фильм «Капитан Америка», и их все видели.)

«Голубой ангел» Овалова — почти роман «нуар», в нем много сумрака, да и просто темноты. «Шпион» — это светлая Москва, Москва Большого Стиля.

Кроме того, будут много говорить о том, как книга Акунина соотносится с фильмом. Я книгу Акунина не считаю удачной, вернее, я считаю ее неудачу образцовой — она, как речи вестового Крапилина, — хорошо начата, да дурно кончена. Так бывает со многими книгами, претендующими на стиль: у них хорошая завязка, прекрасная экспозиция, но чрезвычайно неудачное продолжение — вплоть до финала, который у Акунина стал буффонадой. Еще немного, и Сталин нацепит красный клоунский нос, Берия вместо

Хрущева пустится впрыскаду. И все дело затевается врагами ради того, чтобы заставить Сталина поверить в миролюбие Гитлера: вот, дескать, мы заключили с вами Договор до 24 сентября 1949 года, но вы поверьте хотя бы до 1943-го, — именно для этого мы с вами поубивали такую кучу народа на улицах Москвы. И даже Лаврентий Павлович Берия оказался тут крокодилом, сказавшим доброе слово.

Куда честнее всучить шпионам в руки какой-то незатейливый макгаффин — цилиндрик фотопленки, пузырек с

Но вот Григорий Ревзин, к примеру, пишет: «Кто меня все ж таки поразил во всей этой истории, так это Борис Акунин. Он искренне считал, что у него получится придумать для России повесть дня, объединить вокруг нее лидеров оппозиции и поженить их с простыми протестующими, переформатировать политику и победить. Он сорвался из своего замка в Сен-Мало, первым дилижансом бросился в Париж, оттуда на всех парах в Москву и, как говорится, с головой нырнул в оранжевые волны революции. В этом есть

Главным героем фильма является Москва в виде претворенного в жизнь сталинского плана реконструкции — со всеми своими Дворцами Советов, колоннами и вазонами. Самое легкое — сказать: фильм о Москве как о метрополисе (это все-таки светлый дневной город, а не ночной Готэм-сити и не Москва-нуар Овалова) обречен на успех. Все с интересом смотрели ролики, копированные с фильмов 1930-х, где над Красной площадью плывут вереницы тяжелых бомбардировщиков и проспек-

Сейчас уже начали обсуждать судьбу фильма в прокате. Я не склонен делать тут никаких выводов — ни медленных, ни быстрых. История помнит фильмы, недобравшие денег, но ставшие частью культурного языка, и фильмы кассовые, устойчиво вызывающие тошноту. Прокатная судьба «Шпиона» интересна: судя по некоторым отзывам, многие зрители ни к какому комиксу не готовы, а считают фильм как реальность (оттого и ругаются на приборы ночного видения и построенный Дворец Советов). Тут есть забавное обстоятельство: в СССР шпионский жанр был предельно серьезен. Оттого мои друзья детства воспринимали даже мультфильм «Шпионские страсти» и роман Аксенова «Мой дедушка — памятник» не как пародию.

В начале перестройки был модный, как теперь говорят, мем — «Россия, которую мы потеряли», — и все текущее безобразие соотносилось с 1913 годом. Но потом случилась удивительная вещь: возникла идея «СССР, который мы потеряли», — с атомной бомбой, сменившей соху, сталинскими космонавтами, первыми на Луне, с каналами и высотками посреди московских переулков. *Большой стиль* в виде комикса — не настоящий, а придуманный.

Кстати, в фильме «Шпион» у лысого чекиста Октябрьского звание «старший майор». Звание же «майор» приросло к Ивану Николаевичу Пронину и даже заменило ему имя и отчество, и тут есть некоторые простые обстоятельства. Пронин — майор государственной безопасности. А ЦИК и СНК СССР от 26.12.1935 были введены специальные звания для Главного управления ГБ НКВД. Майор государственной безопасности соответствовал общевойсковому званию «комбриг», а, скажем, капитан — званию «полковник», и наоборот, воинскому майору соответствовал всего лишь старший лейтенант государственной безопасности.

Действие и в «Шпионе», и в эпопее о майоре Пронине происходит в особом мире, параллельном не только реальности, но и советской действительности, — там, где настоящие мужчины перетянуты широкими ремнями, на петлицах кубари, шпалы и ромбы, погоны — только на фотографиях главных мерзавцев, улицы чисты, под Дворец Советов уже выкопаны котлован, как в фильме «Шпион». Помыслы чисты — ничего, что немцы в Польше, но страна сильна. Только месяц — и не больше — и кончится война.

Собственно, и «Шпион» — это как раз «СССР, который мы потеряли».

Федор Бондарчук в роли старшего майора Алексея Октябрьского

ядом или уж «странное стеклышко, отмычки, флакон с голубыми шариками и уродливый крючковатый стальной инструмент», как это сделала Мариэтта Шагинян (чей роман «Месс-Менд» уж совершенно невозможно назвать серьезным).

У Достоевского в «Бесах» есть такой герой — Семен Егорович Кармазинов. Русский литератор, живущий в Европе. Рассказчик сообщает о нем: «Его повести и рассказы известны всему прошлому и даже нашему поколению; я же увивался ими; они были наслаждением моего отрочества и моей молодости. Потом я несколько охладил к его перу; повести с направлением, которые он все писал в последнее время, мне уже не так понравились, как первые, первоначальные его создания, в которых было столько непосредственной поэзии; а самые последние сочинения его так даже вовсе мне не нравились».

Я сразу вспомнил по этому поводу историю с Акуниным. Когда смешение интеллектуального и массовой культуры было вновь и интеллектуального было много, а массового — не так обильно, это вызывало у многих восторг, а вот когда интеллектуальное пиво стало все больше разбавляться водой ширпотреба, так у некоторых началась тоска.

что-то тургеневское, хотя и не скажу, что именно».

С персонажем Достоевского, кстати, тоже была вполне революционная история, и «великий писатель болезненно трепетал перед новейшей революционной молодежью и, воображая, по незнанию дела, что в руках ее ключи русской будущности, унижался к ним подлизывался, главное потому, что они не обращали на него никакого внимания». Но в итоге Верховенский только сыграл с писателем злую шутку, и вообще в романе все довольно скверно. Акунин же вышел как бы таким символом демократии и местоблюстителем великой русской литературы. И тут подоспел фильм «Шпион», снятый по его роману, где все построено на Большом Сталинском Стиле. Получается будто в старой истории про советских детей, которым вместо обычных игрушек давали политические — безобразных толстых попов и противных помещиков. Но воспитатели быстро заметили, что девочки стали этих попов пеленать и баюкать.

Природа шпионского романа берет свое — и происходит обратная история: мир «Шпиона», мир НКГБ, оказывается привлекательным, несмотря на весь либерализм автора.

ты режут город, как просеки. Это интересно — как всякая альтернативная реальность, оплаченная кровью. Точно так же, как в фильме покойного режиссера Ивана Дыховичного «Прорва». Москва довоенная (там 1937 год на дворе) снимается то и дело в видах Москвы послевоенной. Множество людей считает, что вот был вечный конструктивизм и надежды на мировую революцию, гимнастерки с петлицами вместо погон, командиры и эмки, и вдруг война, и — раз! — сталинский амфир, империя СССР, кителя с погонами и офицеры на виллисах. Это совсем не так, что не отменяет смешения стилей.

Нет претензий и к конструкции мира в фильме «Шпион» с его переносными мобильными телефонами, приборами ночного видения, телевидением и прочей игрой с техникой. Просто именно это — город и техника этого города, материальная культура, а не шпионские страсти — является главным героем фильма. Поэтому люди спорят не о чекистах, а о том, был в Москве двухэтажный троллейбус или нет. Материальные свидетельства прошлого всегда обсуждать легче, чем уклад жизни. Но тут можно многое для себя понять, осветить знание архитектуры, к примеру.

Жанр и направление

Сергей Шулаков

НОВОСТИ

Заокеанские лауреаты

Проходивший с 26 по 24 апреля в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино colloquium «Детективный роман: от легкого чтыва до интеллектуального ребуса» — одно из мероприятий Года русского языка во Франции и французского — в России, а также часть недели французской книги в Москве. Открывая собрание, директор ВГБИЛ Екатерина Гениева сказала: *«Я отношусь к тем, кто читает детективы как “легкое чтение”, но когда есть желание, детектив можно рассмотреть и с филологической точки зрения, проанализировав конструкцию текста. Поэтому обсуждение может стать достаточно острым...»*

Не-литература

Уго де Шаваньяк, советник по сотрудничеству и культуре посольства Франции, сообщил несколько интереснейших вещей. *«Детектив сыграл огромную роль в формировании воображения в широких массах читателей, этот жанр наиболее приближен к серьезной прозе, и многие читатели следуют за детективом в этом направлении».* Эти произведения беспощадны, *«может быть, слегка деформированы, как кривое зеркало, но все же отображают социальные болевые точки».* Также он отметил развлекательность, познавательность исторического детектива, психологичность нуара. Строго говоря, детектив не может быть определен как «жанр» — скорее, это сюжетное направление романа, рассказа и, возможно, повести.

Профессор Льежского университета Жак Дюбуа, специалист по французской литературе XIX–XX веков и социологии литературы, автор исследований, посвященных современному французскому детективу, дал его подробную периодизацию. Детектив зародился в середине XIX века, и уже тогда о нем много, но плодотворно спорили. Исследователь относит к родоначальникам детектива Эдгара Аллана По, Габорио и Конана Дойля. *«С самого начала наблюдается взаимодействие трех литератур — американской, французской и английской — с шагом примерно в двадцать лет, — пояснил Жак Дюбуа. — Однако детектив не сразу был осознан как таковой. В течение полувека появлялись тексты, которые к нему приближались, например, произведения Эдгара По и Габорио. В “Этюд в багровых тонах” видно, что эти авторы взаимосвязаны и что-то передают друг другу».* Романтизм был всеобщим течением, но детектив трансгрессировал через границы — потому, считает профессор Дюбуа, что США, Франция и Великобритания имеют давние связи на культурном и идеологическом уровне. *«С какой литературой мы имеем дело? Эдгар По всех нас выдумал, написав три новеллы».* Дюбуа рассказал о таких полюсах раннего детектива, как массовый роман (Габорио) и роман-фельетон (Лекко). *«Забавно констатировать, — сказал он, — что в детективе много элементов “благородной” или “законной” литературы. Но что-то*

ождается, что-то вот-вот должно произойти... Братья Гонкуры в своей газете писали: “Чудесная, но и научная литература”. Они заметили, что детектив вписывается в литературу “благородную». Профессор Дюбуа напомнил, что последние треть и конец XIX века — эпоха деконструкции романа, символизма, когда были отброшены те немногие правила, которые еще предельно являлись к жанру. Андре Жид, Джойс, Пруст развили эти тенденции. Достоевский использовал полицейский роман, Эмиль Золя задумывался над созданием такого произведения, писал в своих заметках, что автор криминального романа по большому счету хочет рассказать о том, кто виноват. Иными словами, «благородная» литература в сфере нравственности и воздаяния не четко, но пересекается с детективом. К концу века «плохой» литературой был брошен вызов литературе «хорошей». Еще один 20-летний шаг — и «правильный» детективный роман подошел к своему логическому концу. С появлением Агаты Кристи детектив окончательно превратился в игру, *«в то, что мы можем назвать “не-литературой”.* Эта «не-литература», тем не менее, имеет литературные признаки. Содержание достаточно консервативно. *«Нам пытаются доказать возможность возвращения к человеческим порядкам, говорят о нарушении социальных правил, которое часто нужно прекратить любой ценой, о том, что виновные будут наказаны».* Профессор Дюбуа проследил связи детектива с поэзией — через Бодлера, который вдохновлялся Эдгаром По, а Сименон, в свою очередь, — идеей обоих об одиночестве в толпе; напомнил о Гонкурах, которые усматривали в детективе наиболее точные характеристики современного общества; об исследованиях, проследивших связи детектива с идеями Фрейда, ибо и там, и там находятся метонимические совпадения, *«за любым смыслом есть другой смысл, который, может быть, подразумевается, и часто важнее, чем первоначальный».* Он определил место детектива как «середины между новаторской, сложной по сути литературой, и массовой, мелкобуржуазной литературой, вершиной которой является Мегрэ — мелкий буржуа, как и Сименон, как, в сущности, и все мы».

Советский трэш и французский нуар

Обзорное сообщение Натальи Ивановой было адресовано в основном французским коллегам. Во Франции сложился полицейский роман, в России уместнее говорить о «не-полицейском» романе, или полицейском романе в кавычках — том, где речь идет о преступлениях полицейских. От невеселой шутки Наталья Иванова перешла к хронологии русского детектива, начав ее с 30–40-х годов XX века, словно и не было до революции Сухова-Кобылина, Крестовского и иных. *«Советский трэш, как и вся массовая литература, являлся частью идеоло-*

ливый, но сложный человек. Таким образом как минимум два исключения из схемы «идеологического детектива» налицо, а если вспомнить о писателях «второго ряда», например, таких как Аркадий Адамов, то схема предстает, по крайней мере, неполной. «Массовая литература, — заключила этот раздел Наталья Иванова, — способствовала освобождению массового сознания». А затем обратилась к современному российскому детективу, охарактеризовав явление как многоэтажное. «Интеллектуальный детектив не дотягивает до своего наименования. Авторы не любят Москву так, как люблю ее я, не используют амбьянс, а используют только

Филолог Доминик Калифа, исследователь современной литературы, говорил о том, что детектив сносит жанровые преграды, что он — двойной агент литературы. *«Детектив процветает потому, что постоянно выходит за рамки, которые ему предлагают...»* О том, что в новейшем детективе появляется радикально-политический аспект, и детектив, таким образом, скорее, чем роман, следует за реальной жизнью. В 60–80-х годах XIX в. детектив становится товаром — и остается им до наших дней. Но все же он — путь к демократии, так как расследование и наказание преступника есть не что иное, как желание жить в демократическом обществе.

Орельен Массон, директор «черной» серии издательства «Галимар» (к «белой» относится «законная», или «серьезная», проза), рассказал о линейке своей серии: нуар, историческое расследование, поляр... В ответ на вопрос о том, кого предпочитают печатать французские издатели, своих или иностранцев, он ответил: *«У какого-нибудь американца и так денег много, к тому же я по коктейлю с ним не вытью. А вот есть у меня друг, который был очень беден, но талантлив. Он написал роман, принес мне, я его опубликовал, и дело пошло. Теперь он богат, а я доволен».*

Интерес вызвали пушенные по рукам участников colloquium книги. Меньшая из них, размером с пачку тонких сигарет, рассчитана на два часа чтения — столько занимает средняя европейская поездка по железной дороге. Такие книги именуются «вокзальными», идея принадлежит Бельгийскому обществу железных дорог. Стоит книжица примерно два с половиной евро. Книга более привычного для нас формата в бумажной обложке и тоже не толстая, на сутки, стоит 17 евро с центами. Цены отпечатаны на задней обложке типографским способом, а не указаны на приклеенном ярлычке.

Итоги colloquium можно определить вопросом все того же Жака Дюбуа: *«Не затопит нас детектив полностью? Его реалистическое наследие весомо. Он перенял инициативу социальной критики. Он познавателен — когда я читаю современный английский детектив, я узнаю об английском обществе такое, чего “законный” роман мне не дает».* Опасения профессора представляются оправданными.

Орельен Массон

гической пропаганды, — сказала она. — Западные приключенческие и детективные романы почти не переводились, потому что считались вредными СССР». Но были в Советском Союзе и исключения. *«Дюма, Бальзак, Сименон — вот три автора, на которых держалась и, в основном, держится сейчас понимание французской литературы в России».* Наталья Иванова рассказала, что самиздат, помимо основной специализации, распространял и Джеймса Хедли Чейза, что было не менее опасно. Так называемый милицкий роман — зарождение которого, уж если речь зашла о периодизации, мы на свой страх и риск отнесем к 1960-м, она также назвала идеологически перегруженным. Позже, отвечая на вопросы, Наталья Иванова сказала о братьях Вайнерах, что они инкрустировали сюжет упоминаниями о Мандельштаме, Ахматовой, иными культурными явлениями, а о Юлиане Семенове — что он талант-

социальную мечту». На этаже гламура она остановилась более подробно. *«Не всякий наш человек может купить себе коттедж и автомобиль, но каждый может позволить себе книжку за два доллара или три евро, и садится на эту иглу...»* Ретро, по словам Ивановой, важнейшее направление в детективной и в «серьезной» литературе. К последней она отнесла «Кысь» Татьяны Толстой, к ретродетективам — Бориса Акунина, а Леонида Юзефовича — к авторам, совмещающим детектив и «серьезную» прозу. *«Издательский проект — вот настоящее русское детектива, — подытожила Наталья Иванова. — Невероятная плодовитость авторов, желание обещать как можно большее присутствие себя, в том числе размножая маски, — вот ее характерная черта. Массовая литература хочет стать больше чем массовой, она претендует на классический литературный капитал, завидует успеху классиков».*

26 апреля в Нью-Йорке организация The Mystery Writers of America очередной раз объявила лауреатов премии Edgar Awards. Победителями нынешнего «года стали:

Лучший роман — Мо Хейдер, «Угон» («Gone»);

Лучший дебют — Лори Рой, «Поворот» («Bent Road»);

Лучшее первое издание в обложке — Роберт Джексон Беннетт, «Душа компании» («The Company Man»);

Лучшая книга, основанная на реальных событиях, — Кэндис Миллард, «Судьба республики» («Destiny of Republic»);

Лучшая критическая/биографическая книга — Майкл Дирда, «О Конане Дойле» («On Conan Doyle»);

Лучший рассказ — Питер Тернбулл, «Человек, который отдал свою шляпу машинисту» («The Man Who Took His Hat Off to the Driver of the Train»);

Лучшая книга для подростков/юношества — Мэтью Дж. Кирби, «Лавина» («Icefall»);

Лучшая детская книга — Данди Дэйли Макколл, «Тишина убийства» («The Silence of Murder»);

Памятная премия имени Роберта Л. Фиша — Дэвид Ингрэм, «Деловой парень» («A Good Man of Business»);

Грандмастер — Марта Граймс.

28 апреля в Бетесде названы победители второго детективного «Оскара» — премии Agatha Awards, присуждаемой ассоциацией Malice Domestic. Вот список лауреатов 2012 года:

Лучший роман — Маргарет Марон, «Три дня в городе» («Three-day town»);

Лучший дебют — Сара Дж. Генри, «Обучение плаванию» («Learning to Swim»);

Лучший исторический детектив — Рис Боуэн, «Порок в красоте» («Naughty in Nice»);

Лучшая документальная книга — Лесли Будевиц, «Книги — жулики и советники» («Books, Crooks and Counselors»);

Лучший рассказ — Дана Кэмерон, «Разоружение» («Disarming»);

Лучшая книга для детей/юношества — Крис Грабенштейн, «Тайна черного сердца» («The Black Heart Stript»);

Премия имени Пуаро — Ли Голдберг;

Премия «За дело всей жизни» — Саймон Бретт.

Подготовил Даниил Мартин

фрагмент «Самое Грандиозное Шоу На Земле»

Почему Чарльза Дарвина пришлось так долго ждать? Что помешало человечеству подойти к эволюции, этой восхитительно простой идее, раньше, чем к существенно более сложным математическим открытиям Ньютона, появившимся на целых два века раньше, или Архимеда, которые старше на целых два тысячелетия? Я слышал много ответов на этот вопрос. Возможно, наш разум смущает время, за которое происходят эволюционные изменения: разница между геологическим временем и временем жизни человека, пытающегося понять эволюцию, очень велика. Может, все дело в сдерживавших нас религиозных доктринах? Или, быть может, в восхитительной сложности органов наподобие глаза, о котором трудно думать иначе как о совершенном приборе, спроектированном опытным изобретателем? Возможно, все эти причины сыграли свою роль. Однако Эрнст Майр, один из корифеев синтетической теории эволюции, умерший в 2005 году в столетнем возрасте, многократно озвучивал совершенно другое предположение. С его точки зрения, камнем преткновения была старая философская доктрина, которая сейчас называется эссенциализмом. Открытию эволюции препятствовала мертвая хватка Платона.

Эти слова принадлежат не Майру, но вполне отражают его мысль.

Согласно Платону, видимая нами реальность — это не более чем тени, отброшенные на стены пещеры мерцающим огнем в очаге. Платон, подобно другим греческим мыслителям, в душе был геометром. Так, треугольник, нарисованный на песке, — это лишь несовершенная тень истинной сущности треугольника, его идеи. Стороны идеального треугольника — истинные Евклидовы линии с длиной, но без ширины, совершенно прямые и никогда не пересекающиеся, если они параллельны. Сумма углов идеального треугольника составляет точно 180°. Очевидно, что это неверно для треугольника, нарисованного на песке, однако он, согласно Платону, только зыбкая тень идеального треугольника.

Эрнст Майр полагал, что биология заражена своего рода эссенциализмом. Биологический эссенциализм рассматривает тапиров и кроликов, панголинов и верблюдов так, будто это треугольники, ромбы, параболы или додекаэдры. Кролики, которых мы видим, — тени идеи Кролика, абсолютного, идеального платонического кролика, витающего где-то в пространстве идей вместе с совершенными геометрическими формами. Живые кролики из плоти и крови изменчивы, но все их разнообразие следует рассматривать только как случайные отклонения от идеала.

Отчаянно антиэволюционная картина! Для эссенциалиста любое разнообразие среди кроликов — это досадное искажение идеи кролика, и всякая попытка отклонения будет неизменно встречать сопротивление, как будто все живые кролики привязаны невидимой, но очень прочной нитью к небесному идеальному кролику. Эволюционисты видят жизнь совершенно иначе. Потомки могут бесконечно удаляться от родительской формы, причем любой из изменившихся потомков становится потенциальным прародителем будущих изменчивых вариантов. Между прочим, Альфред Рассел Уоллес, независимо от Дарвина пришедший к идее эволюции путем естественного отбора, назвал свою статью так: «О стремлении разнообразнейших бесконечно удаляться от первоначального типа».

Если и есть на свете «стандартный» кролик, то это не более чем центр куполообразного распределения настоящих светлых, пушистых, прыгающих изменчивых кроликов. Это распределение со временем меняется. Поколение сменяет поколение, и в какой-то точно не определенный момент может случиться так, что распределение признаков животных, которых мы привыкли называть кроликами, удаляется от исходного настолько, что получает новое имя. Нет никакой непреходящей кролико-

В издательстве «Согрус» готовится к выходу «Самое грандиозное шоу на Земле» Ричарда Докинза — знаменитый биолог продолжает свой героический труд по разъяснению недоверчивым массам, что эволюция — это не просто одна из теорий, а неоспоримый факт.

образности, как в небесах нет идеального кролика. Есть только популяции пушистых, длинноухих, поводящих носом и поедающих собственные экскременты особей, статистически распределенных по размеру, форме, цвету и склонностям. То, что в прежнем распределении считалось сверхдлинноухостью, спустя некоторое геологическое время в новом варианте распределения может оказаться средним показателем длины ушей в популяции. После смены достаточно большого количества поколений перекрывающие между распределением в родительской популяции и распределением в популяции потомков может совсем исчезнуть: самые длинные уши, которые встречались в исходной популяции, могут оказаться короче даже самых коротких ушей в новой. Как заметил Гераклит, другой древнегреческий философ, все течет и все движется, ничто не пребывает. Спустя сто миллионов лет уже трудно будет поверить, что предками этих животных вообще были кролики. При этом в каждом поколении преобладающий тип мог незначительно отличаться от преобладающего типа предыдущего и последующего поколений. Такой образ мышления Майр назвал популяционным. С его точки зрения, популяционное мышление — противоположность эссенциалистскому. Именно поэтому, считает он, теории Дарвина потребовалось столько времени, чтобы родиться на свет: благодаря ли греческому влиянию или какой-то другой причине, но эссенциализм крепко впечатан в наши мозги.

Для ума, ограниченного шорами платонизма, кролик — это кролик, ничего больше. Само предположение о том, что кроличий род представляет собой подвижное облако статистически распределенных значений, или о том, что типичный кролик современности может отличаться от типичного кролика, жившего миллион лет назад, или от типичного кролика, который будет жить через миллион лет, нарушает внутреннее табу. Действительно, психологи, изучающие развитие речи, утверждают, что дети — врожденные эссенциалисты. Вполне вероятно, что дети вынуждены быть такими, чтобы сохранять рассудок, пока они учатся разделять вещи и явления на категории и группы, соответствующие отдельным существительным. Нет ничего удивительного в том, что, согласно Книге Бытия, первой задачей Адама было дать имена всем животным.

С точки зрения Майра, нет никакого чуда и в том, что человечеству пришлось ждать своего Дарвина до конца XIX века. Чтобы в полной мере осознать, до какой степени эволюционный подход противоречит эссенциализму, давайте представим себе вот что. С эволюционной, основанной на «популяционном мышлении» точки

зрения, любое животное связано с любым другим животным, например кролик с леопардом, цепочкой промежуточных звеньев. Эти звенья настолько похожи одно на другое, что каждое звено в принципе способно спариваться с соседним, давая фертильное потомство. Трудно грубее нарушить основное табу эссенциализма. И это не какой-нибудь сомнительный умственный эксперимент, существующий только в воображении ученого. С эволюционной точки зрения последовательность промежуточных животных — звеньев цепи, соединяющих кролика с леопардом, — действительно существует! Каждое из этих животных жило, дышало и могло быть отнесено к одному и тому же виду со своими соседями по длинному, медленно изменяющемуся непрерывному множеству. Каждое из звеньев цели является потомком предыдущего звена и родителем следующего, при этом совокупность всех звеньев составляет непрерывный мост от кролика к леопарду. Однако (позднее мы детально рассмотрим это) следует понимать, что на свете никогда не было «кролипарда». Такие же «мосты» существуют между кроликом и вомбатом, леопардом и омаром: они ведут от любого животного или растения к любому другому. Вполне возможно, вы и сами догадались, почему этот поразительный результат неизбежно следует из признания эволюционного взгляда на жизнь, однако я все же объясню. Назовем это шпильным экспериментом.

Возьмем произвольную крольчиху (пол выбран для удобства и значения не имеет). Посадим ее мать рядом с ней. Затем продолжим последовательность, посадив рядом бабушку, и так все дальше и дальше, на тысячи и миллионы лет назад. Мы идем вдоль строя, внимательно рассматривая каждую крольчиху, как генерал, проводящий смотр. Мы заметим, что крольчихи древности немного отличаются от привычных. Однако быстрота изменения будет так низка, что мы, скорее всего, не заметим различия между соседними поколениями, как мы не замечаем ход часовой стрелки или взросление собственного ребенка (это после мы сможем отметить, что ребенок стал подростком, а подросток превратился во взрослого человека). Есть и еще одна причина тому, что мы, скорее всего, не заметим различия между рядышком сидящими крольчихами: в любом столетии изменчивость в популяции кроликов, как правило, будет выше, чем различия между матерями и дочерьми. Следовательно, если мы попытаемся разглядеть движение «часовой стрелки», сравнивая дочерей с матерями или бабушками, замеченные различия будут ничтожными в сравнении с изменчивостью родных и знакомых кролика, снующих в окрестных кустах.

Тем не менее, двигаясь назад во времени и наблюдая постепенные и малозаметные изменения, мы в конце концов доберемся до животных, все менее напоминающих кролика и все более — землеройку (хотя и не совсем на нее похожих). Одно из этих существ мы определим как «изгиб шпильки» (причины вскоре станут ясны). Это животное представляет собой самого позднего общего предка кроликов и леопардов (по женской линии, но, как я уже говорил, для эксперимента это не важно). Несмотря на то, что мы не знаем, как в точности оно выглядело, мы твердо знаем, что оно существовало: эволюция не оставляет нам другого выбора. Это животное, безусловно, относилось к тому же виду, что его мать и дочь, как и другие животные. Продолжим прогулку вдоль строя, однако теперь, поскольку мы миновали изгиб шпильки, вперед во времени, по направлению к современным леопардам. Следует заметить, что по пути нам придется преодолеть множество развилок, ведущих к самым разным организмам, и на каждой мы выбираем дорогу, ведущую к леопардам. Теперь, когда мы движемся вперед во времени, за каждой похожей на землеройку зверюшкой следует ее дочь. Эти зверьки будут постепенно и неуловимо изменяться, проходя через массу промежуточных стадий, многие из которых, вероятно, будут очень похожи друг на друга, но в то же время совершенно не похожи ни на один из существующих сейчас видов. Затем, возможно, мы пройдем мимо последовательности зверьков, отдаленно напоминающих горностая, и, не заметив ни одного внезапного изменения на протяжении всего пути, дойдем до леопарда.

Об этом эксперименте следует сказать следующее. Во-первых, хотя мы и выбрали маршрут кролик-леопард, мы могли с тем же успехом воспользоваться линиями дикобраз-дельфин, кенгуру-жираф или человек-треска. И это важно: двух любых животных соединяет путь-шпилька, пролегающий через общего предка, потому что у любого организма с каждым имеется общий предок. Все, что от нас требуется — найти путь от первого вида к общему предку, в изгибе шпильки повернуть и дойти до второго вида.

Во-вторых, обратите внимание, что мы говорим только о цепочках животных, соединяющих современные виды. Мы не пытаемся из кролика вывести леопарда. Мы скорее дезэволюционируем кролика до общего предка, а затем развиваем это животное до леопарда. Ни один современный вид не эволюционирует в другой современный вид: у них общие предки, только и всего. Они — двоюродные братья. Это же ответ на распространенное замечание: если люди произошли от шимпанзе, то почему шимпанзе до сих пор существуют?

В-третьих, на пути от точки изгиба шпильки к современному леопарду мы выбираем маршрут, ведущий именно к леопарду. Это один из реальных путей, которым шла эволюция. Однако важно помнить, что мы пренебрегли массой развилки, которые могли привести нас к другим современным животным: животное, представляющее собой «изгиб шпильки», является общим предком не только кроликов и леопардов, но и многих других современных млекопитающих.

В-четвертых, как бы значительны ни были различия между концами шпильки (например, кроликом и леопардом), каждый шаг по цепочке на поколение вперед очень, очень мал. Каждое звено ровно настолько похоже на предыдущее, насколько дочери похожи на своих матерей. И, что важно, оно гораздо ближе к своим соседям по цепи, чем ко многим современникам из той же популяции.

Как видите, этот эксперимент камня на камне не оставляет от эlegantного древнегреческого храма платонических идеальных форм. И если Майр прав относительно того, как глубоко в нас заложены эссенциалистские предубеждения, он может быть прав и в том, почему людям исторически так тяжело далось признание эволюции.

Перевод с английского Дмитрия Кузьмина

Краткий экскурс в мечту

Вера Бройде

НОВОСТИ

Новый 1984-й

На основе романа Джорджа Оруэлла «1984» будет снят новый фильм.

Созданием картины займется Imagine Entertainment и LBI Entertainment. Когда представители Imagine Entertainment обратились к правопреемникам Оруэлла с предложением приобрести права на экранизацию, выяснилось, что над аналогичным проектом работает LBI Entertainment. После этого компании решили объединить усилия. Информации о том, кто будет работать над фильмом в качестве сценариста и режиссера, пока нет.

Роман Оруэлла «1984» был опубликован впервые в 1949 году. Работу Оруэлла уже неоднократно экранизировали. На основе романа были сняты телефильмы, а также две кинокартины — в 1956-м и 1984 годах.

Кладбищенские джунгли

Студия Disney заключила контракт на экранизацию «Истории с кладбищем» Нила Геймана, и обошлась она ей в шестизначную сумму. Утверждают, что режиссером потенциального блокбастера станет Генри Селик, который также экранизировал «Коралину в стране кошмаров» Геймана. Сейчас он работает над суперсекретным проектом Pixar — и кладбищенской сказкой займется после окончания этого проекта.

«История с кладбищем» — роман, идея которого основана на «Книге джунглей» Редьярда Киплинга. Родителей мальчика по имени Никто Оуэнс убивает таинственный незнакомец. Ребенка принимает на воспитание семья призраков со старого кладбища, и каждая глава книги — это история из жизни Никто. Между главами, как правило, проходит несколько лет.

Книга выиграла премию «Хьюго» в 2009 году и награду Ньюбери, а также премию «Локус» за лучший роман. С момента выхода книги в печать четыре года назад на ее экранизацию «облизывались» многие киностудии. Изначально права на экранизацию были у британских компаний Framestore и Wayfare, которые даже договорились с Нилом Джорданом о том, что он займет кресло режиссера. Но сделка сорвалась, и издатель был вынужден попытаться счастья в Голливуде.

Подготовил Даниил Мартин

Такой вопрос мог бы задать ребенок, а взрослый — нет: не потому что ему неинтересно, очень даже интересно, — но он бы не решился. Из стеснения, в котором ни за что бы не признался. Так что же тогда Леклезю — философ, поэт, писатель, нобелевский лауреат, — неужели ребенок? Ведь это он так прямо и спрашивает: «Чем фильм лучше книги?» При этом сам, уж конечно, размышляет о связи двух искусств совсем не как ребенок. Точнее, не так, как обычный ребенок. Скорее как сын моряка из «Игры снов» Стриндберга. Вы помните, там мальчика спросили, почему море соленое, а он не задумываясь ответил: потому что моряки много плачут, ведь им все время приходится уезжать, — «И поэтому они всегда сушат свои платки на мачтах!»

И вот, пока вы думаете над вопросом про фильм и книгу (ответ на него есть, хоть и не дан), Леклезю вспоминает... Старика Брессона, который рассказывал, как самых первых кинозрителей больше всего удивило, что шевелились листья на деревьях. Себя — малень-

кого, который всем своим огромным сердцем верил в призрачную реальность по ту сторону экрана, но в кино, к слову, не ходил, потому что дома, в коридоре, была «Патэ Бэби» — белая скатерть, повешенная на стенку, стулья для зрителей и проектор — система, подлинно революционная. Что же там оживало, на полотне, какие «трепетные картины»? О, в основном это были фильмы Габи. Габимонтажерки, «независимой и беспечной», — и Леклезю вспоминает ее, удивительную женщину, кузину его бабушки, «очень парижскую молодую девушку, в подвязанном фартуке, белокурые волосы собраны в шиньон, с головой погруженную в свой ювелирный труд посреди шумной мастерской». Она была ровесницей кинематографа и работала на первом заводе Патэ. И еще Годар — его он тоже вспоминает, не само по себе, а ту мысль об идеальном кино, которую режиссер однажды высказал. Годар назвал «окончательным» тот фильм, в основе которого лежит принцип «каждый день — один кадр», и где показано лишь чело-

веческое лицо, с момента рождения до смерти, «чтобы получилось двадцатиминутное зрелище лица, раскрывающегося и постепенно увядающего, как цветок».

Они такие разные, воспоминания, которые он воскрешает. Леклезю однако приводит их в полное и совершенное согласие: это очень забавно и в то же время поэтично, даже возвышенно. И именно это, вероятно, делает его книгу почти художественной и напряженной. Речь о напряжении мысли, не чувства, хотя размышляет он больше о последнем.

Автор «Пустыни», «Оничи», «Большой жизни» рассказывает о фильмах, которыми восхищается, — получается что-то вроде набора историй, подборки эссе, объединенных тем, что каждую картину он рассматривает так, словно не писатель, а режиссер. Откуда он это знает? Как догадался? Почему и с какой целью Ясудзиро Одзу устанавливал камеру на расстоянии 20 см от пола? Этот японец снимал людей «такими, как они живут на свете или, может быть, какими их видят соба-

Леклезю Ж. М. Г. **Смотреть кино / Предисл. Ж.Жакоба; Пер. с фр. и послесл. Д.Савосина.**

М.: Текст, 2012. — 176 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-7516-1031-9

ки». И когда читаешь про него у Леклезю — как будто завидуешь сразу обоим: тому, кто все придумал, и тому, кто это понял, — их общему уму, их изобретательности и наблюдательности.

Итак, Леклезю всего лишь рассказывает о том, что видит на экране, но как же здорово он это делает! Слова льются и льются, как в сезон дождей, — кажется, что природа оживает. А в действительности это внутри вас словно что-то оживает: чувство узнавания, как если

Океан смыслов

Андрей Мирошкин

Фильм Андрея Тарковского «Солярис». Материалы и документы: Сборник / Сост. и предисл. Д.Салынского.

М.: Астрель, 2012. — 416 с. 300 экз. (о)
ISBN 978-5-903311-20-0

Образцовая научная книга о фильме (знаменитом, замечательном) должна представлять собой «издание всех текстовых следов фильма от сценарных набросков до монтажных поправок». Зачем нужны такие детали и подробности? «Необычайно интересно спускаться, будто в археологический раскоп сквозь культурные слои, в недра замысла, от готового произведения к его истокам <...>; наблюдать, как произведение меняет форму, будто глина под пальцами скульптора». Так пишет киновед Дмитрий Салынский в предисловии к составленному им сборнику о фильме Андрея Тарковского «Соля-

рис». Книга выпущена Госфильмофондом России к 80-летию режиссера, но это отнюдь не юбилейная скороспелка, не дежурный отчет к круглой дате. «Солярисом» Тарковского Салынский занимается давно, и данное издание — итог кропотливых трудов. В сборник включены литературный сценарий, монтажные записи (по ним можно сравнить рабочий и прокатный вариант ленты), стенограммы обсуждений фильма на художественных заседаниях членов съемочной группы, письма, подробная хронология работы над фильмом и т.д.

Составитель настаивает, что в публикации первой версии сценария нет ничего сенсационного, как нет никакой политической подоплеки в самом факте сокращения фильма Тарковским. Все эти правки носили сугубо внутренний творческий характер. Первоначальная версия, по мнению Салынского, «с художественной точки зрения менее удачная, чем прокатная — в ней есть длинноты, неудачно озвученные и лишние по драматургии куски». Фильм был принят без цензурных вмешательств благодаря неожиданной поддержке со стороны влиятельных научных консультантов, «космических» ученых,

замолвивших за Тарковского словечко в высоких партийных инстанциях.

В сборнике большое внимание уделено культурно-идеологическому контексту «Соляриса», непостоянным взаимоотношениям философии романа и философии фильма, поиску скрытых смыслов произведения. Отдельный сюжет книги — восприятие работы Тарковского Станиславом Лемом (писатель, как известно, многого в этой экранизации не принял). В мемуарах воссозданы различные эпизоды съемочного

процесса. Так, сцену заседания комиссии снимали в фойе здания СЭВ, дом Криса Кельвина — близ Саввино-Сторожевского монастыря в подмосковном Звенигороде (эти места Тарковский любил с детства). Автостраду XXIII века отыскали в Японии; заодно там и дефицитной пленки прикупили.

В очерке художника-постановщика фильма Михаила Ромадина интересен сравнительный анализ двух киноверсий «Соляриса». Если у Тарковского Крис испытывает «терзания Рас-

кольникова», то у Стивена Содерберга этот герой переживает «трагедию Ромео». Кроме того, в декорациях американской ленты 2002 года Ромадин обнаружил мотивы своих ранних эскизов, не вошедших в фильм Тарковского. «Очевидно, схожие идеи могут родиться в разное время в разных частях земного шара», — предположил художник. Вероятно, и тут не обошлось без участия мыслящего океана, способного материализовывать воспоминания, фантазии и вспышки подсознания.

Донатас Банионис (слева) и Андрей Тарковский на съемочной площадке

Слова И Звуки

клуб

НОВОСТИ

Звуки без слов

Известный балетмейстер Михаил Барышников, которому в январе исполнилось 64 года, станет главной звездой основанного на чеховском рассказе танцевального спектакля «Человек в футляре».

Танцы на чеховский текст придумывают хореографы Пол Лазар и Энни-Би Парсон — создатели нью-йоркского Big Dance Theatre, которым доводилось сотрудничать с Дэвидом Бирном и делать танцевальные постановки по Марку Твену, Еврипиду, японским романам и фильмам французки Аньес Варда.

Репетиции «Человека в футляре» будут проходить в Нью-Йорке, но показывать его планируется в Коннектикуте, в театре городка Хартфорд. В Нью-Йорке же у Барышникова запланирована другая премьера — поставленный совместными усилиями Центра Михаила Барышникова и Лаборатории Дмитрия Крымова спектакль «В Париже», основанный на рассказах Ивана Бунина.

Дисней в опере

Опера «Идеальный американец» («The Perfect American») знаменитого композитора Филипа Гласса, основанная на полувывмышленной биографии Уолта Диснея, показанной глазами ненавидящего его сотрудника студии, будет представлена летом 2013 года в Английской национальной опере ENO.

Постановка является сценической интерпретацией одноименного романа американского писателя, пишущего на немецком языке, Питера Штефана Юнгка. Книга исследует слухи, окружавшие персону Диснея в последние годы его жизни: о том, что он был расистом, деспотом, антисемитом и крайне нетерпимым человеком.

Студия Walt Disney Company запрещает использование образов своих персонажей. Поэтому на сцене будут появляться другие герои, хотя, по словам Берри, работа режиссера Фелима Макдермотта как раз заключается в том, чтобы создать адаптацию мира Диснея, где и Микки-Маус, и другие персонажи все же были бы узнаваемы. Отвечая на вопрос, смогут ли дети смотреть постановку, Берри ответил: «Да, хотя для них это будет, скорее, ночной кошмар».

Подготовил Даниил Мартин

Его первые семьдесят

Владимир Марочкин

Книга испанского журналиста Рубена Амона, посвященная Пласидо Доминго, имеет как большой плюс, так и не менее большой минус.

Большой плюс — это сама книга, изданная у нас в стране. До этого на русском языке выходила лишь автобиография Пласидо Доминго «Мои первые сорок лет», и было это уже довольно давно.

Рубен Амон на протяжении последних двадцати оказывался рядом с певцом в самые важные минуты его жизни и творчества, и теперь он сделал попытку объяснить феномен Пласидо Доминго с самых различных точек зрения, начиная с социологии и заканчивая рентгеном его голосовых связок. Некоторые из выводов автора очень неожиданны и любопытны.

Минус этой работы — в том, что автор рассматривает великого мадридского тенора как фрагмент массовой культуры. Беря разгон в своих культурологических построениях, Рубен Амон вспоминает знаменитого социолога и музыковеда Теодора Адорно, который провозглашал, что индустрия развлечений подразумевает экспроприацию личного сознания, подменяя подлинный художественный опыт искусством облегченным, меньшего масштаба. В свою очередь Амон берет за утверждение, что сегодня культура изменилась, что форма массовой

Амон Р. Пласидо Доминго. Гений мировой сцены / Пер. с исп. А.Миролюбовой, А.Горбовой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2012. — 368 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-389-02545-5

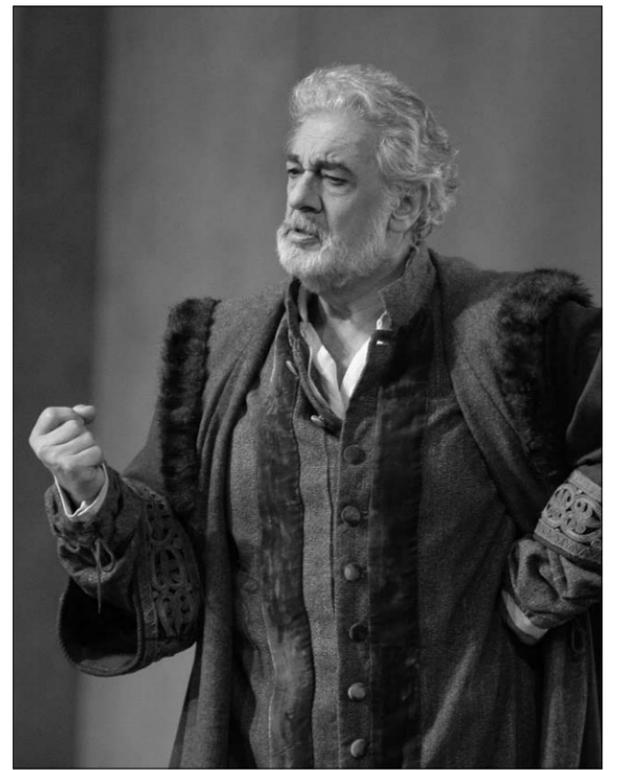
индустрии утратила классовую оболочку, что у элиты и «простой» публики теперь общая территория. В качестве главного доказательства верности своей точки зрения Рубен Амон приводит... мультяшный сериал «Симпсоны», в одной или нескольких сериях которого появился нарисованный Пласидо Доминго. Вот на основании этого факта автор книги и вбрасывает идею о том, что элитарная и массовая культуры сблизились настолько, что начали перерождаться одна в другую.

Но Рубен Амон ошибается. У этих двух культур — разные корни, а значит, и разные предназначения. Ветви их могут перекрещиваться, но их суть от этого не меняется. Массовая культура — это клетка, которую власть выстроила для общества,

чтобы контролировать его. Или, перефразируя классика марксизма-ленинизма, массовая культура — это опиум для народа. Появление мадридского тенора в «Симпсонах», а также в «Улице Сезам», просто должно было создать иллюзию, что «барьеры разрушены», о чем иногда мечтают народные массы, хотя на самом деле все осталось как было. Мультяшный Пласидо Доминго — это мираж, указывая на который «предводители» общества объявляют массам, что великий мадридский тенор тоже является частью поп-культуры, а значит: «Правильной дорогой идете, товарищи!»

Надо, конечно, признать, что сам Доминго не раз использовал двигатель массовой культуры для достижения собственных целей. Впрочем, как он написал в автобиографии, делал он это исключительно из благородных соображений, стремясь донести культуру своей родной Испании до как можно большего количества людей. Но компромисс такого рода дал массовой культуре право использовать имя и образ певца в своих стратегических действиях.

«Симпсоны» — это ловушка, расставленная на пути общества, сначала в нее угодил мадридский тенор, а следом — и его биограф. Забавно, что на страницах книги рядом со славословиями в адрес мультика приведены слова Доминго о том,

Опера Джузеппе Верди «Симон Бокканегра»

что он не принял то, как его изображали в «Симпсонах». Но Рубен Амон как будто не замечает предупреждения своего кумира, он продолжает сладко теоретизировать о разрушении социальных барьеров. Этот посыл, прошедший красной нитью через всю книгу, дезориентирует читателя, оставляя двойственное впечатление. Несмотря на то, что книга содержит много интереснейшей информации, где-то внутри клокочет мысль, что

все было совсем не так. Кто же прав: автор или внутренний голос читателя? Каждый вынужден искать ответ на этот вопрос в собственном жизненном опыте.

Заходя с другой стороны, надо признать, что эту книгу написал не специалист-культуролог, а простой фанат, поэтому не стоит его особо критиковать. Он сделал все, что мог. А он смог наполнить свой труд искрящейся радостью и преданностью своему герою.

Чистый звук

Сергей Шпаковский

Белая суперобложка, белый костюм и улыбка изображенной на фотографии звезды более чем соответствуют и названию, и содержанию. Перед читателем удивительная книга — «Музыка тишины» Андреа Бочелли, всемирно известного тенора, впервые изданная в России. «Музыка», конечно же, на первом плане, а вот «Тишина» лишь подчеркивает новизну жанра: здесь автор — прежде всего человек, который внезапно вообразил себя писателем, в чем и признается в первой главе своей книги.

Бочелли-писатель пишет о Бочелли-человеке и Бочелли-певце открыто, свободно и лирично, будто даже не о себе. И правильно — герой завуалирован, если не спрятан. В истории, описанной в «Музыке тишины», главный герой — Амос, невероятно похожий на великого тенора. Он критикует себя, прославленного певца, живущего

Бочелли А. Музыка тишины / Пер. с ит. С.Рюриковой. М.: РИПОЛ классик, 2012. — 320 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-386-04020-8

жизнью «великих». А на богатом и красивом фоне — перипетии хрупкой судьбы, ошибки, сомнения и переживания. Книга о становлении личности, о своеобразном карьерном восхождении к званию лучшего тенора современности, а также о личном: об отце, подруге Веронике и многом другом.

Андреа Бочелли — человек с невероятно интересной биографией. От обычного мальчика — к студенту юридического факультета университета в Пизе, от победителя фестиваля в Сан-Ремо в категории «Новый исполнитель» — до многомиллионных тиражей. Лишенный с рождения возможности видеть одним глазом, певец теряет и второй — по случайности, играя в футбол. Но ни одна преграда не повлияла на главный интерес и дело всей жизни Андреа Бочелли.

Биография-легенда написана человеком, которому есть что рассказать и о себе, и о людях, и о жизни в целом. Конечно, благодаря жанру, в котором исполнена «Музыка тишины», читатель сможет домыслить, дорисовать и додумать прочитанное, но впечатление складывается, что добавить уже нечего — столь наполнена книга подробностями биографии Амоса (читай — Андреа).

Так «да» или «нет»?

Конфеты в коробках, школьная распродажа, протест, травля, война... И как объяснить связь между этими вещами? Связь существует, но облечь ее в паутину слов, из которой бы получилась картина — в меру правдивая, красивая и некрасивая, — это довольно трудно. «Как вам известно, в школе необходимо соблюдать... дисциплину, — говорил в начале учебного года (1974-го) заместитель директора частной католической школы «Тринити». — Между учителями и учениками должна существовать грань. Конечно, каждый из нас, учителей, рад был бы снова почувствовать себя одним из мальчишек. Но грань... переступить нельзя. Она невидима — и тем не менее... В конце концов, ветра ведь тоже не видно, зато мы его чувствуем...» А вот слова, сказанные братом Леоном в приватном телефонном разговоре: «Мне плевать, кто виноват — Рено или твоя подпольная шайка, или общия экономическая ситуация. Я знаю только, что конфеты не продаются. А мне нужно, чтобы они были проданы!» И наконец, обрывок разговора двух друзей, одноклассников: «Я вот о чем, Джерри. В этой школе есть что-то гнилое...»

Трейлер какого-то шпионского фильма или экранизированная страничка из комикса — наверное, именно такое впечатление может сложиться после прочтения этой подборки пестрых цитат из романа Роберта Кормье (1925 — 2000). Хотя и в них есть уже что-то угрожающее, страшное, как будто

кто-то тайком обидно вас передразнивает, в то время как у вас завязаны глаза и вы совершенно бессильны это прекратить, — вот, оно тоже тут есть, притаилось за партой. А ведь именно это соседство ощущений и отличает, вообще-то, «Шоколадную войну» — американскую историю, похожую на «Повелителя мух»: местами грустную, как жизнь, и тревожную, как ночная тишина в пустой квартире.

Игра начинается в тот момент, когда брат Леон торжественно, словно вручает «Оскар», объявляет о начале традиционной распродажи, в ходе которой каждый ученик, дабы исполнить свой долг перед школой, должен продать пятьдесят коробок шоколадных конфет, и «самое замечательное» здесь то, что распродажа проводится исключительно силами учеников: «Это ваша распродажа, ваш проект», «братство Тринити», «служение школе требует жертв, больших и маленьких» и т.д. Какая-то чепуха, верно? И не верится, что из-за этого может произойти то, что произойдет. Так значит — это кому-нибудь нужно.

И вот Кормье, будто бы вместе с братом Леоном, каждый следующий день, то есть главу, начинает с переклички: выкрикивает фамилию ученика, а тот в ответ — количество проданных им коробок. И каждый раз, едва очередь доходит до буквы «Р» — Рено — и все ждут, затаив дыхание, как в такой звенящей тишине, его одинокое глухое «Нет», напере-

кор всем правилам грамматики, снова превратится в глагол. А в перерывах между переключками Кормье крутит ручку кинопроектора: что-то вроде хроники событий — кто и как обходит чужие дома, с коробками под мышкой, и какие мысли стучатся в его голове, когда сам он стучится в дверь. Но пока это еще только гонка, не борьба: потому что Джерри Рено ведь не оставили выбора. Он просто должен был выполнить задание Стражей («тайного» школьного общества, о котором в действительности знал каждый: и ученик, и учитель) — десять дней говорить: «Нет». А настоящая война начнется на одиннадцатый день, когда срок, отведенный Стражами, истечет, а Джерри... Джерри все равно зачем-то скажет: «Нет».

Бесчисленные испытания всех и каждого: учителей над учениками, учеников над учителями, учеников над учениками. А ведь есть еще испытания другого порядка, инициированные не людьми, а событиями — как, например, в случае с Джерри, у которого умерла мама. В общем, кто тут устоит? А кто сдастся? Кто — робкий и слабый? А кто сильный. Вся жизнь — как одна сплошная проверка; школа же — лишь один из ее этапов.

Но это, конечно, не все: помимо истории с шоколадными конфетами, которые четырнадцатилетний мальчик отказался продавать по «добровольному приказу» директора, здесь есть и другая история — не такая конкретная, но и не умозрительная.

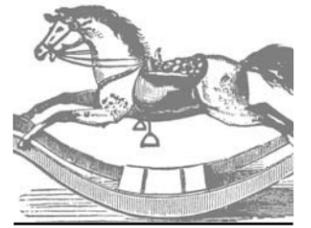
Кормье Р.
Шоколадная война / Пер. с англ. В.Бабкова.
М.: Розовый жираф, 2012. — 248 с. — (Вот это книга!). 7000 экз. (п)
ISBN 978-5-903497-99-7

Это история обнаружения разного рода истин, которые дети начинают открывать для себя в очень юном возрасте, — взрослые даже и не подозревают подчас, насколько рано это случается. Например, так называемая истина о «лишнем шуме», который никто не любит: неприятности, выяснения отношений. И это знание распаивает множество дверей — разумеется, перед тем, кто сумеет им с умом воспользоваться: «Ты мог отнять у кого-нибудь завтрак и даже деньги на завтрак — и, как правило, без всяких последствий, потому что большинство ребят хотело мира любой ценой». Или вот другая истина — об униженном положении: «Ты мог окликнуть кого-нибудь из школьников, особенно из тех, кто легко краснеет, и сказать: «Фу, как у тебя изо рта несет! Ты что, вообще зубы не чистишь?» Даже если у малого дыхание как аромат роз». И еще одна — едва ли не самая главная: «... нельзя

доверять никому, даже себе» — в конце концов, она «поддается» всем, хотя и не сразу — просто для этого нужны подходящие условия: необитаемый остров, как у Голдинга, школа «Тринити», как у Кормье.

Кормье... Не очень-то много умеют так властно управлять атмосферой в книге, как он: озвучивает произнесенные слова, оставляет пустоты там, где это нужно, чтобы сразу не выдать всего, добавляет, где следует, шумовые эффекты — все, чтобы напряжение потрескивало, как ток в проводах во время грозы. Это, конечно, пугает, но когда тот самый провод вдруг вспыхивает целым снопом искр — оторваться от зрелища уже нельзя. Что же до его «истин», вы понимаете, они не официальные, их как бы нет, в обществе их игнорируют, не признают. Но они есть, и их терпят, потому что они выполняют важную задачу: осуществляют контроль.

Наверное, читая это, чувствуешь, что с языка вот-вот сорвется то самое слово, которое столько раз был вынужден повторять бедный Джерри Рено: «Нет». Ну, нет, нет, не может же мир и вправду быть так плох, как писал Кормье. Может, и не может. Но его история с шоколадными конфетами не выносит вердикта — это же не судебное заседание. Тут все иначе — тут как в футболе: ловкий маневр, обход стороной, чтобы заставить противника сомневаться на свой счет. Просто в романе роль «противника» играет читатель.

НОВОСТИ

Щедрый жираф

Четвертый по счету Международного дня чтения, который придумало и ежегодно проводит детское издательство «Розовый жираф», в этом году назначен на 17 мая. Это значит, что в четверг, в разных уголках мира, взрослые будут вслух читать детям одну и ту же книгу, выпущенную издательством и бесплатно разосланную адресатам. После этого тещи оставят книгу в библиотеке — или в том месте, в котором проводится акция: в детском саду, школе, развивающем детском центре. Надо сказать, что еще раньше к литературному флэш-мобу присоединились Библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Биологический музей им. К.А. Тимирязева и Московский зоопарк.

Но безусловно, самый важный вопрос — что же это будет за книга? В прошлом году всех покорила «Горилла, которая хотела повзрослеть» англичанки Джилл Томлинсон, а в этом «Розовый жираф» выбрал историю

легендарного Шела Силверстейна (на фото) — американского поэта, сценариста, композитора, музыканта, человека, переписавшего Гамлета в стиле рэп. Он был одним из ведущих карикатуристов журнала Playboy, писал потрясающие путевые карикатурные эссе и иллюстрировал собственные книги. Но если говорить о детях, то им он, вероятно, больше известен как Дядюшка Шелби (Uncle Shelby) — автор знаменитой, смешной и грустной книги «Лафкадио: удивительная история льва, который победил охотников». Она появилась в издательстве Harper&Row (ныне HarperCollins) еще в 1963-м. А годом позже, там же, вышла следующая его книжка — «Полтора жирафа»: «длинное, но безумно смешное стихотворение, где Силверстейн-художник едва поспекает за выкидывающим самые невероятные колена Силверстейном-поэтом». Так об этой истории отзываются издатели. И именно ее, переведенную на русский Мариной Бородинской, 17 мая будут читать взрослые.

Путешествие во времени

Вспоминать то, что приснилось, и то, о чем мечталось, и то, что страшило, и то, что было наяву, — если делать это именно в таком порядке, соединяя искренность с тщательностью, вполне может получиться книга о детстве. Как в случае со «Смеяться и свистеть». Это автобиография, которая старается быть приключенческим романом — и от этого еще больше становится похожа на историю реальную, хоть и с приданным к ней романтическим моторчиком. И этот моторчик, кстати, не фигура речи. Размером с курицу, он был прикреплен к раме подержанного велосипеда «Харьков», чтобы — ни много ни мало — «изменить мир»: ускорить, замедлить, повернуть, взлететь, приблизить то, что кажется далеким,

Нечипоренко Ю.
Смеяться и свистеть: Рассказы, эссе.
М.: Жук, 2012. — 176 с.: ил. — (Для тех, кому за десять). 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-903305-41-4

удалить близкое и превратить пространство во время. Разве не романтично? Вот такая и вся эта книга.

«Мне кажется, — пишет Нечипоренко, — я помню

каждую загогулилку забора, шелушистые шиферные крыши гаражей, шершавые не струганные горбыли сараев... Тогда я поклялся, что напишу об этом». И он сочиняет, хотя в этом слове, наверное, не так много вымысла, как в сказках Андерсена или романах Жюль Верна. В общем, он пишет, а сам переносится в прошлое, как будто и не замечая этого, как в фильме «Далеко по соседству», где главный герой, 55-летний автор комиксов, однажды сел в свой поезд и случайно попал в родной городок, в котором не был много лет, — там он вдруг снова стал 14-летним мальчиком, живущим вместе с родителями и младшей сестрой, рисующим на уроках, играющим с ребятами в футбол...

Если вырезать из картины первые кадры — те, в которых герой живет здесь и сейчас, — будет похоже на эту книгу.

Прическа «под ежика», руки и ноги снова тонкие, маленький рост и никакой щетины, а голос стал гораздо тоньше, выше и пронзительнее. Но главное, конечно, то, что этот голос произносит и как произносит. По-детски, но ненамеренно, убежденно и так откровенно, как только собственной собаке иногда что-то говоришь, подняв ее мягкое треугольное ухо. «Когда папа приезжает к бабушке, он от нее никак не отлипает...» Он говорит о том, что казалось таким важным тогда, а вы воображаете, что потом, то есть сейчас, это почему-то вдруг позабылось. «Гуси не давали мне покоя...»

ЛИТЖИЗНЬ

Берлинский проект

Андрей Мирошкин

В Государственном музее М.А. Булгакова открылась выставка, посвященная 90-летию со дня основания знаменитой берлинской газеты «Накануне». Издание выходило недолго, с 1922-го по 1924 год, но среди его сотрудников и авторов было множество замечательных писателей, живших как в Советской России, так и в эмиграции.

Юбилейная выставка невелика: она занимает одну из комнат «нехорошей квартиры» № 50 в доме на Большой Садовой. Это первая в российской музейной практике экспозиция, посвященная газете «Накануне» и истории сотрудничества с ней Михаила Булгакова.

На страницах издания впервые были опубликованы такие известные произведения писателя, как «Записки на манжетах», «Самогонное озеро», «Комаровское дело» и т.д. По мнению биографов, «Накануне» — вторая (после «Гудка») главная для Булгакова газета. Кстати, у издания железнодорожников тоже в этом году юбилей — 95 лет.

Выставка переносит посетителей музея в стремительную, авантюрную эпоху 1920-х годов. Начало эпохи. Расцвет литературной периодики, еще сравнительно независимой от цензуры. Открытые дискуссии писателей и критиков, эстрадные выступления популяр-

ных поэтов. Эмигранты и «сменовеховцы», лефовцы и «попутчики». И здесь же — спецоперации ОГПУ, в которых порой были задействованы и писатели...

Выпуск «Накануне» как раз и стал «кремлевским проектом», нацеленным на разложение, раздробление литературной эмиграции; писателей, выехавших из страны, советская власть пыталась прикормить и заманить обратно на родину. Газета с невиданной для СССР свободой слова стала, по сути, прикрытием для масштабной политической провокации. Здесь платили отличные гонорары. Вдобавок «Накануне» было единственным эмигрантским изданием, свободно распространяемым в СССР. Литературное приложение к газете редактировал Алексей Толстой, среди авторов числились Максим Горький, Осип Мандельштам, Валентин Катаев, Сергей Есенин, Михаил Зощенко... Их портреты заняли свое место в экспозиции.

Организаторам выставки удалось найти шесть публикаций Булгакова в «Накануне». К ним подобран своего рода «гарнир» — матери-

алы о событиях, упоминаемых в рассказах и очерках Булгакова. Например, подробно рассказано о «Комаровском деле» 1922 года — серии жутких убийств в Замоскворечье и суде над убийцей-извозчиком (эта история сегодня вполне могла бы стать сюжетной основой для кинотриллера). Среди экспонатов также — чудом обнаруженная в архиве фотография здания берлинской редакции «Накануне». Дух эпохи передает кинохроника Москвы и Берлина 1920-х годов... Эти кон-

текстные материалы позволяют более широко взглянуть и на эпоху «Накануне», и на творчество Булгакова тех лет. Дизайн экспозиции приближен к эстетике 20-х годов XX века с ее коллажами, броскими лозунгами и яростной «левизной». По словам художника и одного из кураторов выставки Александры Селивановой, труднее всего при подготовке экспозиции оказалось «нескучно подать печатный материал».

О литературно-политических интригах вокруг газе-

ты «Накануне» рассказала на вернисаже доктор филологических наук, крупнейший специалист по М.А. Булгакову Мариэтта Чудакова. «Количество провокаций, устраиваемых большевиками в 1920-е гг. против эмиграции, с трудом поддается подсчету», — уверена она. Для Булгакова же сотрудничество с «Накануне» было важно потому, что в этой газете он (по собственному признанию) мог намного шире, чем в «Гудке», развернуть свои мысли. А для писателя это самое главное.

По вопросам размещения рекламы в изданиях ИД «Книжное обозрение» обращайтесь

по тел. (495) 689 14 55.

e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

Издательство «ЭКМО» разыскивает переводчиков следующих произведений:

Ж.Бенцони «Конец странствий» переводчик Н. Куц;
Н. Робертс «Искушение злом» переводчики Л. Тарасов, Т. Каравкина;
Н. Робертс «Обманутые иллюзии» переводчик О.В. Куц;
С. Браун «Техас! Лаки», «Техас! Сейдж», «Техас! Чейз» — не найден переводчик;
С. Браун «Эксклюзив» переводчик Ж. Жарылкапов.

С информацией просьба обращаться в отдел современной прозы к Носковой Марии по тел. (495) 411-68-64 (доб.2431)

ПОДПИСКА-2012

Журнал поэзии «Арион»

Единственный в России «толстый» поэтический журнал, 19-й год издания (основан в 1994 г.)

Весь спектр современной русской поэзии; поэтическая критика; эссе; литературные портреты; архивные материалы; рецензии; переводы; черно-белая графика

Подписка по «зеленому» каталогу «Пресса России»
Наш индекс — 73117

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

**www.
knigoboz.
ru**

«ампирные спальни»

фрагмент

Про нас сделали фильм. Его сняли по книге одного из наших общих знакомых. Книга, в сущности, примитивная: четыре недели из жизни города, в котором мы выросли, сюжета нет, почти все списано с натуры. В этом, с позволения сказать, «художественном произведении» изменено всего несколько деталей, даже имена у всех настоящие, и нет ни единого вымышленного эпизода. Например, январским вечером в Малибу мы на самом деле смотрели снафф-фильм, и да, я не выдержал и вышел на террасу с видом на Тихий океан, где автор меня успокаивал, уверяя, что детей никто не пытал и вопят они ненатурально, но все это с мерзкой улыбочкой, заставившей меня отвернуться. Еще примеры: моя девушка действительно сбита койота в одном из каньонов чуть ниже Малхолланд-драйв, и рождественский ужин с родителями в ресторане «Чейзен», о котором я мимоходом поведал автору, воспроизведен достоверно. Групповое изнасилование двенадцатилетней девочки тоже правда — в той комнате в Уэст-Голливуде мы с автором были вместе; в книге он отмечает, что угадал во мне «смутное отвращение», а это даже близко не передает моих истинных ощущений: вожделения, шока, робости перед автором — светловолосым парнем, всегда державшимся особняком, в которого моя девушка ухитрилась по уши втрескаться в самый разгар наших с ней отношений. Но автор не разделил ее страсти: был слишком инертен, слишком заиклен на себе, чтобы пустить в свой мир, и девушка вернулась ко мне, но опоздала, а поскольку автора уязвило, что девушка вернулась ко мне, он сделал меня рассказчиком — обдолбанным симпатягой, не способным ни любить, ни жалеть. Так я стал тусовщиком-страдальцем, бродящим среди руин с вечно сочащейся из носа кровью, донимающим всех вопросами, не требующими ответов. Так я стал парнем, который не понимает элементарных вещей. Парнем, который не приходит на выручку другу. Парнем, который не в состоянии любить свою девушку.

Труднее всего было читать описания моих объяснений с Блэр, в особенности в сцене нашей ссоры (ближе к концу романа) на террасе ресторана с видом на бульвар Сансет, где я периодически поглядываю на рекламный щит с надписью «ВОЗЬМИ И ИСЧЕЗНИ» (автор присочинил лишь темные очки, за которыми я будто бы прячусь, говоря Блэр, что никогда ее не любил). Автор никогда не распрашивал меня о том мучительном разговоре, но в книге он воспроизведен дословно, почему я и перестал общаться с Блэр и долго не мог слушать песни Элвиса Костелло, которые мы с ней знали наизусть («You Little Fool», «Man Out of Time», «Watch Your Step»), и да, она действительно подарила мне шарф на той рождественской вечеринке, и да, танцевала под «калчер-клавовскую» песню «Do You Really Want to Hurt Me?», пока я гримасничал, пародируя Бой Джорджа, и да, назвала меня «зайкой», и да, узнала, что я переспал с той девочкой, которую увез дождливой ночью из клуба «Виски», и да — узнала об этом от автора. Он не был (как я убедился, читая главы, касавшиеся меня и Блэр) по-настоящему близок ни с кем из нас (даже с Блэр, хотя с ней он, конечно, был близок). Просто волею случая попал в наш круг и, не потрудившись ни в чем разобраться, беззастенчиво вывалил на всеобщее обозрение наши тайные слабости, сделав особый упор на юношеском безразличии и мегаломаническом нигилизме, наведя на этот кошмар голливудский глянец.

Но злиться было бессмысленно. Тем более что к моменту выхода книги, весной 1985-го,

Приключения в психоделическом мире Брета Истона Эллиса продолжают. В новой книге «Ампирные спальни» Клэй, повзрослевший персонаж ранних романов «Ниже нуля» и «Правила секса», с интересом следит за бытованием своего образа в литературе и кино и ввязывается в крайне нехорошее дело. Роман выходит в издательстве «Эксмо».

автор уже покинул Лос-Анджелес. В 1982-м он поступил в тот же небольшой частный колледж в Нью-Гэмпшире, куда сбежал от калифорнийских тусовок и я и где мы практически не общались. (Действие его второго романа происходит в нашем Кэмденском колледже, и в одной из глав выведен персонаж по имени Клэй — очередная пародия, издевка, лишнее доказательство того, как он ко мне относился. Небрежная и не особенно едкая, эта карикатура была даже не укусом, а легким щипком по сравнению с первой книгой, в которой я представляю до того зазомбированным, что даже в песне Рэнди Ньюмена «I love L. A.» не слышу иронии.) Его присутствие вынудило меня уже после первого курса (то есть весной 1983-го) перевестись из Кэмдена в Брауновский университет (хотя во втором романе весь осенний семестр 1985-го я все еще в Нью-Гэмпшире). Я дал себе зарок не думать об этом, но успех первой книги долго не давал мне покоя. Отчасти потому, что я тоже мечтал стать писателем и, дочитав первый роман до конца, подумал, что зря не написал его сам: все-таки это была моя жизнь, автор у меня ее просто выкрал. Но чтобы написать роман, нужны талант и драйв. И еще терпение. На одном желании далеко не уедешь. Я несколько раз брался, но быстро бросал и, выпустившись из Брауна весной 1986-го, понял, что писателем из меня никогда не получится.

Из всех нас о книге публично отозвался один лишь Джулиан Уэллс (Блэр еще не успела разлюбить автора — ей было все равно, как и большинству второстепенных персонажей), но отозвался (при всем смущении и брезгливости) как-то уж слишком бодро и заносчиво, чуть не с восторгом, хотя автор рассказал о нем все: и как Джулиан сидел на героине, и как увяз в долгах своему дилеру (Финну Делани), который, по сути, превратил его в шлюху, подкладывая в постели заезжих мужчин из Манхэттена, Чикаго и Сан-Франциско — любителей мальчиков и роскошных отелей на бульваре Сансет в промежутке между Беверли-Хиллз и Силвер-Лейк. Однажды по пьяни Джулиан сам разболтал обо всем автору, ища сочувствия, и сознание, что книга, в которой он чуть ли не самый главный герой, пользуется таким успехом, странным образом подпи-

тывало его самолюбие, давало надежду и, я вполне допускаю, что в глубине души книга ему даже нравилась, ибо бесстыдство Джулиана не имело границ, хоть он и косил под скромнягу. Когда осенью 1987-го, всего через два года после публикации, по книге сделали фильм, Джулиан возликовал еще больше.

Помню легкий озноб, охвативший меня теплым октябрьским вечером в просмотровом зале киностудии «Двадцатый век Фокс» за три недели до выхода фильма на экраны. Я сидел между Трентом Берроузом и Джулианом, который еще не полностью соскочил с иглы и грыз ногти, ерзая от нетерпенья в черном бархатном кресле. (Блэр вошла вместе с Аланой и Ким вслед за Рипом Милларом. Я с ней не поздоровался.) Фильм сильно отличался от книги — настолько, что словно и не по ней был снят. При всех минусах книги (боль, которую она мне доставила, предательство) в ней была правда жизни, и на просмотре я ощутил это особенно остро. Все описанные в книге события действительно со мной произошли. От книги было не отмахнуться. Без выкрутас, все честно, а фильм — просто красивое вранье. (Что, впрочем, не помогло: эффектный и лихо закрученный, но одновременно давящий и непомерно дорогой, фильм с треском провалился после выхода в прокат в ноябре.) В фильме мою роль исполнял актер, больше похожий на меня в жизни, чем на героя, которого автор вывел под моим именем в книге: я не был блондином с ровным калифорнийским загаром, и актер им не был. Вдобавок экранный я неожиданно сделался воплощением нравственности: сыпал наборменными клише, больше подходящими для рекламной брошюры общества «Анонимных алкоголиков», осуждал повальное увлечение наркотиками и пытался спасти Джулиана. («Я продам свою тачку, — предлагал я актеру, исполнявшему роль дилера Джулиана. — Ни перед чем не остановлюсь») Экранная Блэр выглядела чуть более правдоподобно: актриса, которая ее играла, вполне могла вписаться в нашу компанию — такая же нервная, легкодоступная, тонкокожая. Джулиан (в исполнении талантливого актера с лицом грустного клоуна) превратился в сентиментальную версию самого себя: у него с Блэр роман, но он решает прервать отношения, чтобы не пере-

бегать дорогу мне, своему лучшему другу. «Не обижай ее, — говорит Джулиан Клэйю. — Она девочка что надо». Вся сцена своей вопиющей лживостью должна была вызвать у автора приступ сильнейшей изжоги. Я же на этих словах экранного Джулиана не удержался от злорадной усмешки и отыскал взглядом Блэр во тьме кинозала.

По мере того как на гигантском экране разворачивались события, в притихшем зале стало нарастать недовольство. Зрители (прототипы героев книги) быстро смекнули, что произошло. Ведь студию возглавляли родители, а они не могли допустить, чтобы их детки предстали на экране в таком же неприглядном виде, как в книге, и в итоге все, что делало книгу живой, было из фильма выхолощено. Фильм добивался сочувствия к героям, а книге было на них плевать. Да и отношение к наркотикам и сексу в 1987-м резко изменилось по сравнению с 1985-м (чему во многом способствовала смена владельца студии), поэтому исходный материал (на удивление консервативный по сути, несмотря на свою кажущуюся аморальность) нуждался в переработке. Получился эдакий современный нуар восьмидесятых (кинематография, кстати, отменная), но чем дальше, тем я все чаще зевал, отмечая для себя лишь некоторые детали: то, например, как забавно изменилась трактовка образов моих родителей или как накануне Рождества Блэр застаёт своего разведенного отца в объятиях любовницы, а не парня по имени Джаред (отец Блэр умер от СПИДа в 1992-м, так и не оформив развод с ее матерью). И хотя с того просмотра в октябре прошло больше двадцати лет, ярче всего запомнилось, как Джулиан стиснул мне руку, затекшую на подлокотнике между наших кресел. Он стиснул ее, потому что в книге Джулиан Уэллс оставался жив, а по новому сценарию ему надлежало погибнуть. Расплатиться за все грехи. Этого требовала внутренняя логика фильма. (Позднее, став сценаристом, я убедился, что в кинематографии иной логики не бывает.) Когда это случилось (за десять минут до финала), Джулиан посмотрел на меня во тьме, потрясенный. «Я труп, — прошептал он. — Меня умертвили». Я выдержал паузу, потом сказал: «Но ты по-прежнему с нами». Джулиан снова перевел взгляд на экран, и вскоре картина закончилась, на фоне палым побежали титры, мы с Блэр (полный бред!) мчались на машине в мой колледж, а Рой Орбисон надрывно стелал о скоротечности жизни.

Реальный Джулиан Уэллс не умер от передозировки в вишневом кабриолете, съехав на обочину шоссе посреди национального парка «Джошуа три» под фонограмму орущего из динамиков хора. Реальный Джулиан Уэллс был убит через двадцать с лишним лет: труп подбросили на задворки пустующего жилого дома в Лос-Фелисе, но истязали его в другом месте. Голова была проломлена (удар нанесли по лицу, причем с такой силой, что оно ввалилось внутрь), а тело превращено в месиво (лос-анджелесское отделение судебно-медицинской экспертизы насчитало сто пятьдесят три проникающих ранения (многие из них внахлест) от трех разных колющих предметов). Тело обнаружила группа ребят — студентов Калифорнийского института искусств, круживших в районе Хилхёрст-авеню на спортивном «БМВ» в поисках парковки. Увидев распластанное рядом с мусорным баком тело, они сначала приняли его за — дальше цитирую статью из «Лос-Анджелес таймс», сообщавшую об убийстве Джулиана Уэллса на первой странице раздела «Калифорния», — «флаг».

Перевод с английского Василия Арканова

Книжное обозрение

№10 (2334), 14 – 27 мая 2012 г.

127018, Москва, Сущевский вал, д. 49

Тел. (495) 689-14-55

Адрес в Интернете: www.knigoboz.ru

E-mail: all@knigoboz.ru

Учредитель ФГУ «Редакция «Российской газеты»

Главный редактор Александр Набоков.

Ответственный секретарь Ольга Воронина.

Шеф-редактор приложения PRO Ольга Костюкова.

Отдел рекламы Анастасия Набокова.

Отдел рецензирования Вера Бройде,

Мария Мельникова.

Отдел клубов Дмитрий Малков.

Обозреватель Данила Давыдов.

Отдел библиографии (тел. 629-25-77):

Ольга Казакова, Наталья Яковлева.

Приемная Лидия Бочкова.

Верстка Дмитрий Кушунин.

Корректура Регина Митропольская, Наталия Ремизова.

Распространение Николай Тарасов, Валентин Филатов.

© Газета «Книжное обозрение»

© Дизайн Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

За содержание рекламных публикаций редакция

ответственности не несет.

Использование материалов без согласия редакции запрещено.

При цитировании ссылка на «Книжное обозрение» обязательна.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе в сфере мас-

совых коммуникаций, связи и культурного наследия

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30853

от 29 декабря 2007 года.

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Тираж 10 050. Номер подписан в печать 12.05.2012

Объем 3 п.л. Заказ № 1948.

Подписные индексы: 50051; 63102 (с приложением).

Реализацию «КО» на территории РФ и стран СНГ осуществляет

ЗАО «АПР» (тел. +7 (499) 195-43-15) и ООО «МАП»

(тел. +7 (495) 648-93-94).

Газета отпечатана в типографии

ОАО «Издательский дом «Красная звезда»

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38

http://www.redstarph.ru

альбом

«басни Эзопа»

В костюме от Дона Корлеоне

Вера Бройде

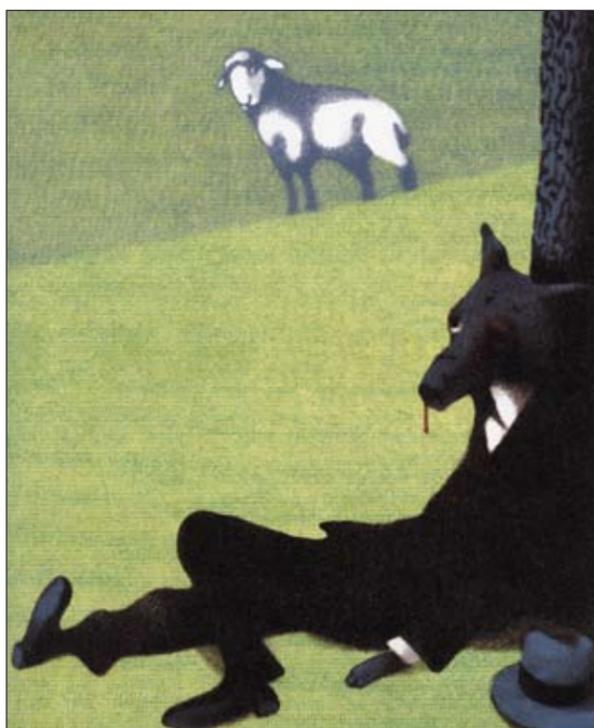
Эзоп.
Басни / Адапт. Ж.-Ф. Можне /
Пер. с фр. Д.Соколовой.
М.: Клевер Медиа Групп, 2012. –
60 с.: ил. – (Коллекционное издание).
3000 экз. (п) ISBN 978-5-91982-097-0

«Блоха и бык»

«Объевшийся лис»

«Раненый волк и овца»

Слопать «под благовидным предлогом» белянского ягненка – такое решение, конечно, должно прийти в голову волка. Но вы, наверное, думаете: а почему только волка? Да разве он единственный, на ком свет клином сошелся? И вы правы, действительно, а почему именно этого зверя? Может быть, потому что у Эзопа был волк. Однако даже ребенок, прочитавший его басню, две с половиной тысячи лет назад сочиненную, и он понимает, что серая шкура – это еще не признак. Если бы не страх испортить книгу, то можно было бы вырезать ножницами фигуру волка, а на ее место подложить фотографию своего заклятого врага: старшего брата (если вы сейчас в ссоре), школьной учительницы (если она того стоит), мерзкого соседа, который затопил квартиру, или Рэйфа Файнса в роли нациста из «Списка Шиндлера». Художник, чьи иллюстрации к Эзоповым басням в прошлом году в Болонье получили Первую премию (Le Bologna Ragazzi Award) на самой главной детской Международной выставке книг, – француз Жан-Франсуа Мартен: он сотворил с волком примерно то же. В древнейшей истории, адаптированной другим французом – Можне, и нарисованной Мартемом, решение приходит в волчью голову, на которой плотно сидит угольно-серая шляпа. И она сдвинута на глаза – точь-в-точь как у гангстера времен Великой депрессии. Да и костюм под стать: черный, с широким острым лацканом на пиджаке и прямыми брюками, – который наш книжный кутюрье комбинирует с белоснежной сорочкой: один треугольник наверху, у шеи, и две полоски манжет, выглядывающих из рукавов. Вот оно – настоящее искусство: ничего случайного, все продумано до мелочей.

Знаменитая фраза Бальзака о том, что лишь глупец в моде видит только моду, здесь, в новом издании старых басен, приобретает... нет, не то чтобы первоначальный смысл, а скорее потайной: как в чемодане с двойным дном. Возьмем для примера того же волка – ну неужели художник одел его в костюм, только чтобы влед за писателем сказать: «То же случается и со многими людьми...»? Не может этого быть – тут должна быть еще какая-то причина, более изощренная и... красивая. Что ж, кажется, она есть и прячется в кроес. Вот если бы вас попросили рассказать о том, как должен выглядеть обаятельный злодей с пистолетом, кого бы вы тогда вспомнили? Дона Корлеоне? Джонни Диллинджера? Чарльза «Карлито» Бриганте? Костюмы, в которые одеты персонажи Эзоповых басен, «скроены» художником так элегантно и чуть старомодно не только ради шика и блеска. Эти костюмы создают видимость чего-то такого, преступного, скрывающегося и не всегда опознаваемого. Если вещь хорошо сшита – или нарисована, она может сказать гораздо больше и лучше, чем даже тот, на ком она сидит. И не забывайте главное правило модников: высокая контрастность костюма всегда придает образу жесткости, а иногда даже агрессивности. Не это ли качество отличает волка?

И не его одного. В костюмах здесь ходят и львы, и быки, и олени, а также лисы, ослы и даже ласки. Да-да, ласки: мы, конечно, привыкли видеть их мех на внутренней стороне дубленки... и еще в мультфильме «Бесподобный мистер Фокс» ласка работала агентом по недвижимости. Но здесь они совсем другие – в клетчатых кепи, как у доктора Ватсона, и таких же, как у него, добротных коричневых тройках из мягкой английской шерсти. Так одеваются настоящие сыщики, поджидающие мышей у входа в нору, охотники за головами – птиц или мышей? Вот в чем вопрос, который, кстати, и спас от гибели – казалось, неминуемой – зажатую в тисках мощных ласкиных лап одну летучую мышь. Причем дважды: пойманная, она выманивала пощаду сначала у одной ласки, говоря: «Но я не птица, а мышь», а потом у другой: «Но я не обычная мышь, а летучая». О чем это? Об умении приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам? Или о том, что на самом деле происходит в мире диких животных? В одних баснях мораль вдруг так неожиданно «перетягивает одеяло» на себя, и у кого? – у той, которая ее же и породила, у истории? А в других – наоборот: история кажется первичнее того нравоучения, которое за ней стоит. Но как бы там ни было, везде они приведены в согласие картинкой. Она, как и костюм дона Корлеоне, всегда безукоризненна и контрастна. Смотрите, вот: большие красные муравьи, на круглые головы которых хлопьями падают белые снежинки, а сами головы – хотя как это можно разглядеть на неподвижной странице? – но ведь, ей-богу же, как будто покачиваются, в такт их утробному смеху над несчастным кузнечиком, который летом, не в пример им, «все пел да стрекотал». А маленькая мышка – на ярко-оранжевом фоне: цвета апельсина, поджаренных тостов и львиной шерсти, – вот она, в безупречно черном фраке, занята тем, что яростно перегрызает веревку, которой охотники связали царя зверей: «Случается порой, что даже сильным мира сего не обойтись в беде без помощи слабых». И так везде – как в высокой моде, и как в жизни: есть лишь несколько цветов, два или три, которые кем-то умело разбавлены их собственными оттенками.

«Летучая мышь»

«Волк и ягненок»

«Кузнечик и муравьи»